

ISBN 978-5-7681-1176-2

9 785768 111762

**ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ:
РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

**Материалы
V Международной
научной конференции**

17-20 мая 2016 года

Курск 2016

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»
(ЮЗГУ)

**ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ:
РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

Материалы V Международной научной конференции

17-20 мая 2016 года

Редакционная коллегия:
Р. К. Боженкова (науч. ред.),
А. Л. Толстая,
И. О. Амелина

Курск 2016

УДК 81(063)
ББК 81я431
Я 41

Рецензент

Доктор филологических наук, профессор
Российского государственного педагогического университета
(РГПУ) им. А. И. Герцена *И. П. Лысакова*

Редакционная коллегия:

Р. К. Боженкова, д-р филол. наук, профессор (научн. ред.)
А. Л. Толстая, канд. филол. наук, ст. преподаватель
И. О. Амелина, преподаватель

Я 41   **Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик:** материалы V Междунар. конф. / Р. К. Боженкова (науч. ред.) [и др.]. – Курск, 2016. – 111 с.

ISBN 978-5-7681-1176-2

В предлагаемый читателю сборник включены доклады, принятые к представлению на V Международной научной конференции «Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик» (Курск, ЮЗГУ, 17-20 мая 2016 г.), в рамках которой рассматривалась парадигма филологического знания начала XXI века – от научных воззрений в области лексической семантики, синтактики, теории коммуникации до анализа общих вопросов национально-культурной специфики речевого поведения, описания различных аспектов речевой деятельности в контексте межкультурной коммуникации, исследований возможностей языковых трансформаций с учетом ментальных особенностей этноса.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 81(063)
ББК 81я431

ISBN 978-5-7681-1176-2

© Юго-Западный государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Беспалова Е. А.</i>	
Фразеологизмы-маркеры публицистики Е.И. Носова (на материале текстов военной тематики).....	6
<i>Боженкова Н. А., Дудникова А. А.</i>	
Адекватность славяно-славянского перевода: практические решения (на примере рассказа «Скитащи градски кучета» Й. Радичкова).....	15
<i>Боженкова Н. А., Костина А. А.</i>	
Историографический обзор практики обучения РКИ в Сербии и особенности национально-ориентированного учебника (на материале сербских учебников русского языка).....	22
<i>Боженкова Р. К., Боженкова Н. А., Атанова Д. В.</i>	
Языковые средства речевого жанра проповеди как приемы реализации коммуникативно-прагматической цели религиозного дискурса (на материале русскоязычной православной и англоязычной протестантской проповедей)	31
<i>Диневич И. А., Полхова Ю. А., Ковалева Л. С.</i>	
Этимология индоевропейских зоонимов со значением «корова» в свете древней языческой символики	39
<i>Загорулько Г. Л.</i>	
Тропы как репрезентанты эмотивности (на примере произведения К. Функе «Чернильное сердце»)	46
<i>Мирзаева Т. Е.</i>	
Этнометодика как эффективная модель обучения иностранным языкам	50
<i>Мукабенова Ж. А.</i>	
Колорема <i>оранжевый</i> как социолингвистическая категория.....	57

Попова Г. В.

Аксиологические доминанты массовой культуры
(на примере современного любовного романа) 61

Романова Н. Н., Амелина И. О.

Социокультурный аспект практики делового письма
как вида коммуникации в экономической сфере 68

Соколова М. М.

Межкультурная коммуникация сквозь призму
адаптационных процессов студентов стран АТР
к обучению в российских вузах.....75

Степанова Н. С.

Современные тенденции развития жанра портретного очерка
в отечественной художественной публицистике: личностный
блок текста (на примере публикаций в журнале «Vip / Взгляд.
Информация. Партнерство») 83

Степыкин Н. И., Э. Ди Батиста

Структурно-содержательная специфика этических
категорий зло / male 91

Толстая А. Л.

Ценностные ориентиры современных российских СМИ 97

Шульгина Н. П.

Активизация когнитивной деятельности иностранных
студентов как условие формирования профессионально-
коммуникативной компетенции 104

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном мире социально-экономическая природа человеческой деятельности, определяющая важнейшие межгосударственные и межнациональные точки соприкосновения, с особой остротой выводит на первый план вопросы взаимопроникновения языка и культуры, культуры и субкультуры. В этой связи необходимость научного осмысления концептуальной и языковой картины мира, национально-культурной специфики диалогического взаимодействия в контексте новых политических и общественно-экономических реалий трудно переоценить.

Данные актуальные проблемы, теоретико-практические и методологические исследования языка, текста, дискурса обсуждались в рамках V Международной научной конференции «Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик», которая состоялась на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета 17–20 мая 2016 года.

Конференция ознаменовала собой новый этап в развитии научных связей между различными лингвистическими школами, явилась стимулом к рождению творческой мысли, стала не только настоящим форумом для обмена научным и практическим опытом зрелых ученых, но и представительным собранием для аспирантов и молодых преподавателей, делающих первые шаги в науке. V Международная научная конференция «Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик» успешно завершила свою работу, и, думается, что ее решения и идеи, высказанные участниками, дадут новый импульс научному поиску лингвистов.

Академик РАН,
доктор филологических наук,
профессор *Р. К. Боженкова*

УДК 811.161.1'373.72:070

Е. А. Беспалова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-МАРКЕРЫ ПУБЛИЦИСТИКИ

Е. И. НОСОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ

ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ)

Статья посвящена описанию фразеологических единиц, выступающих в качестве маркеров публицистических текстов Е. И. Носова военной тематики.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм-маркер, язык писателя, публицистика Е. И. Носова, война.

Е. И. Носов известен не только как «мастер высочайшей художественной прозы», но и как писатель-публицист, он «одинаково силен как публицист – в своей прозе и как художник – в собственной публицистике» [10, с. 94]. Представить языковую личность писателя в полном объеме невозможно «без обращения к важной составляющей его творчества – публицистике» [9, с. 3].

При описании фразеологического фонда публицистических текстов Е. Носова нами были выявлены фразеологические единицы (ФЕ), не встречающиеся в его художественных произведениях. Такие обороты мы предлагаем называть фразеологизмами-маркёрами, или фразеологическими маркёрами, т. е. своеобразными показателями, дифференциаторами публицистики Е. И. Носова: *власть пре-державная, дух времени, квасной патриотизм, новый русский, почивать на лаврах, черный рынок* и др. Кроме того, можно выделить фразеологизмы-маркеры отдельных текстов автора, т. е. устойчивые сочетания, появившиеся в этих произведениях и больше нигде не встречающиеся.

Термин «маркер» используется в разных областях знания для обозначения того, что маркирует какой-либо объект, предмет: «маркер – сигнал, который указывает на функцию или свойство,

обычно обозначает наличие или отсутствие отличительных особенностей» [6, с. 6]. Употребляется он и в языкознании: «Лингвистические маркеры – это ключи, показывающие внутренне репрезентации человеком своего опыта/переживаний. Нахождение этих ключей и определение их значения даёт нам понимание модели мира, в которой живёт и действует этот человек» [7].

Отмеченные нами фразеологизмы-маркеры могут быть проанализированы в текстах определенной тематики. В публицистическом наследии Е. И. Носова отчетливо просматриваются несколько тем, всегда его волновавших: (1) тема памяти о Великой Отечественной войне и судьбы ветеранов, (2) общественно-политическая ситуация в стране, (3) тема творчества писателя, его места в обществе, (4) тема малой родины и др. Предметом рассмотрения в данной статье будут являться фразеологические маркеры текстов первой группы, к которым мы относим произведения «Слово о сержанте Борисове» (1966), «С сединою на висках...» (1985), «Фанфары и колокола» (1990), «Мемуары и мемориалы» (1998).

«Слово о сержанте Борисове»¹ впервые было опубликовано 5 мая 1966 г. в курской газете «Молодая гвардия» под названием «Парторг». Е. И. Носов написал его к 21-й годовщине Дня Победы; 7 мая 1975 года этот же материал будет опубликован в «Литературной газете». В тексте появляются ФЕ единичного употребления, не отмеченные ни в других публицистических, ни в художественных текстах автора: *врезаться в память, затыкать дыры, путь-дорога, у края могилы, что взять*. Кроме названных, к фразеологизмам-маркерам публицистики Е. И. Носова относятся ФЕ *братская могила, во имя, кто есть кто*.

Автор вспоминает своего сослуживца, с которым он воевал в истребительно-противотанковых войсках: «Особенно накрепко *врезался в память* наш батареец старший сержант Борисов». Тогда никаких записей делать не разрешалось, и «*многие пути-дороги* и да-

---

¹ Здесь «слово» можно рассматривать как жанр, по аналогии «с древнейшими жанрами русской литературы – летописью, воинской повестью, сказом, словом» [8, с. 14].

же города смешались в нерасщепляемый клубок»¹. Люди гибли, менялись расчеты, в артиллерии появлялись вчерашние пехотинцы, как один из героев очерка Пермяков. «Что с него взять?» – говорят про него бойцы, с него еще надо «мох счищать». Во время Бобруйской операции такая бригада *затыкает дыры*, устраивая заслоны на пути фашистов. В бою, в крови бойцы уже не узнают друг друга – «кто есть кто и сколько нас осталось». Из всей батареи в живых остается несколько человек. У шоссе во ржи, поваленной картечью, роют *братскую могилу*; на лице погибшего сержанта Борисова застыла улыбка, кажется, он и у края могилы сохраняет оптимизм (в этом контексте ФЕ *у края могилы* теряет образное значение ‘в состоянии, близком к смерти’ [11, с. 303] и употребляется буквально, т. е. имеет место процесс дефразеологизации).

Возвращаясь к настоящему, автор говорит о том, что навещать *братские могилы* – горькая миссия, он скорбит о павших, но утешается сознанием, что жертвы были не напрасны, Родина, *во имя* которой пали воины, «осталась жива и будет пребывать вовеки». Этот взгляд на войну характерен для Е. И. Носова 1960-1970-х гг., он пишет, чтобы сохранить светлую память о погибших.

В 1980-1990-х гг. взгляд Е. Носова на военную тему меняется: появляется грустное чувство в связи с тем, что «старички уходят», бывших солдат списывают со счетов, автор с болью пишет о безымянных захоронениях; позже автор станет развивать горькую мысль о ненужности оставшихся в живых ветеранов, об отторжении их обществом, а также о сохранении исторической правды о войне.

9 января 1985 г. в «Литературной газете» был опубликован «монолог о времени и о себе» «С сединою на висках...», в качестве названия которого Е. И. Носов взял строчку из песни «День Победы» (этот прием автор использовал и в других текстах – «На дальней станции сойду...», «Ради нескольких строчек в газете...»), про-

---

¹ Е. И. Носов использует фольклорную формулу *путь-дорога*, которая «исторически передает значение совмещенности цели и направления (*путь*) с пространством самого движения (*дорога*)» [5, с. 582]. Однако в его фразеопотреблении подчеркивается второе значение (*дорога*), что подтверждает и форма множественного числа.

должив мысль: «Для уцелевших – это, как поется в песне, воистину «праздник с сединою на висках». А я бы от себя добавил: «И с валидолом в кармане». Здесь встречаются ФЕ, выступающие в роли маркеров не только публицистики автора, но и данного текста, т. е. они не были отмечены нами ни в одном другом произведении: *в глубине души, глядеть в одну точку, до зубов, заливаться краской, изображать из себя, не погладить по голове, от имени, песок сыплется, под зад коленом, подумать только, попадаться на мушку, приметы времени, развязывать руки*. К фразеологическим маркерам публицистики Е.И. Носова, кроме того, относятся ФЕ *братская могила, на совести, ноль-ноль, руки по швам, собираться с духом*.

В преддверии «сорокового салюта нашей Победы» («*подумать только – сорокового*») автор рассказывает о том, как снимают с воинского учета «за достижением предельного возраста» бывших «солдат Победы». Собравшись около военкомата, они подтрунивают друг над другом, пытаясь скрыть волнение и растерянность: «*Подумать только: уходил подчистую, насовсем, безвозвратно двадцать пятый год!*» Никто из них *в глубине души* не согласился с тем, что его освобождают «от самой святой обязанности быть защитником своей Родины»: «– Как на увольнение? Снимают с учета?» – «– Ага! *Под зад коленкой*». Они хорохорятся, *изображают из себя* бравых, в кабинет заходят – *руки по швам*, отвечая по уставу «Служу Советскому Союзу!», *заливаются краской*, а чтобы не показать виду, как это тяжело, подтрунивают друг над другом: «– Весь проход *песком засыпал*» – «– Еще поглядим, *чей песок*». Е. Носов – среди них, но ему не удается отшутиться, подготовиться к стандартной фразе «– *От имени...*», *собраться с духом*, и он выходит с военным билетом, «*глядя в одну точку* чем-то занавешенными глазами».

Автор рассуждает о правде, которую должен нести писатель-фронтовик своему читателю. Именно он, очевидец событий, знает, как воевали тогдашние мальчишки, «освободившие пол-Европы», стараясь *не попадаться на мушку* немецкому снайперу, экономя каждый снаряд – за пальбу без необходимости *по головке не погладят*, против сытого и обогретого немца, вооруженного *до зубов*. Писатель-очевидец имеет это преимущество, он достоверно воссо-

здает военную реальность, чего не смогут сделать последующие поколения: из будущих книг уйдут *приметы и характерные подробности минувшего времени*; время «в известной мере *развяжет руки* будущему писателю». Кроме того, говорить правду – обязанность людей искусства: «бесчисленные *братские могилы* и обелиски <...> в какой-то степени *на совести* пишущих и говорящих языком литературы и искусства, что-то не договаривавших, умалчивавших, а то и просто не то говоривших своему народу». Писателей-очевидцев военных событий, как Евгений Носов, честно, «снизу» о них рассказывающих, уже в 1980-е годы можно было пересчитать по пальцам.

Очерк «Фанфары и колокола» впервые был опубликован в «Литературной газете» 9 мая 1990 г. Автор хотел бы, чтобы вместе с победными фанфарами набатно звучал «колокол Памяти о всех павших – преданных и все еще не преданных земле». Фразеологическими маркерами данного текста выступают ФЕ *за версту, любой ценой, на воле, на грани жизни и смерти (на весах жизни и смерти), отдавать последний долг (выполнять последний долг), по уши, рожки да ножки*, фразеологизмами-маркерами публицистики Е. И. Носова – ФЕ *братские могилы, всякого рода, как на ладони, обращать внимание*.

Автор рассказывает об эпизоде своей «третьей военной весны». В период ожидания боевых действий в тесноте землянок бойцы, едва переносящие «*всякого рода* политико-воспитательные мероприятия», радуются наступлению весны, а двое из них – Носов и Панюков – получают задание найти доски для укрепления траншей: «– А то скоро на огневой утонем *по уши*». Оба радуются весне, она их окрыляет, и особо это чувствуется на передовой, «где все – и человек, и каждый куст, и всякая пичуга – пребывает *на весах жизни и смерти*¹». *На воле* Панюков становится разговорчивым, говорит,

---

¹ Е. И. Носов трансформирует ФЕ *на грани жизни и смерти*, меняя само образное основание фразеологизма *грань* → *весы*, что отражается, на наш взгляд, на временной отнесенности фразеологизма: если *на грани жизни и смерти* означает ‘в критический момент’ [11, с. 148], т. е. содержит семы кратковременности и конкретного промежутка времени, то *на весах жизни и смерти* указывает на постоянность опасности смерти в таких условиях.

что за версту по запаху унюхает чечевицу. На оттаявшем поле бойцы видят убитых русских воинов: «— Тут целое поле ими устлано <...> Снег сойдет — все как на ладони будут». От той части, в которой они служили, «остались одни рожки да ножки», а пришедшие им на смену хоронить не захотели. Выполнив задание, бойцы «добрались до своих позиций, уже не обращая внимания на тут и там вытаявшие трупы».

Спустя почти что полвека Е. И. Носов с болью задается вопросами: «почему все не по-человечески?», почему «немцы для каждого своего убитого отрывали отдельную могилу и каждому ставили личный крест», «стремились *выполнить этот последний воинский долг* перед павшими при любых обстоятельствах», а русские сбрасывали своих в ямы, «в старый окоп», «иногда навалом»? «Эту наспех отрытую яму» называли «почти красиво, сообразно с нашей идеей братства» *братской могилой*; тогда было некогда разбираться, «надо было приближать победу *любой ценой*». Рассказав эту «грустную историю» в «большой и светлый праздник», автор просит у читателя за это прощения, но ведь и праздник этот особенный — «со слезами на глазах». Так раскрывается еще один аспект военной темы в творчестве Е. Носова.

Статья «Мемуары и мемориалы» впервые была опубликована в журнале «Юность» в 1998 г. В тексте поднимаются две основные проблемы: унижительное положение ветеранов в пореформенные 1990-е годы и сохранение исторической правды. Раскрыть эти темы помогают фразеологизмы-маркеры данной статьи (*ад кромешний, в масе, в память, в чести, гол как сокол, как ножом резануть по сердцу (режущий по сердцу), квасной патриотизм, на всю катушку, ни шагу назад, небесное воинство (Христово воинство), оказывать помощь, персона нон грата, под страхом, проявлять себя, раз на раз не приходится, с пылу, с жару, стоять насмерть, сын полка*) и фразеологические маркеры всей публицистики Е. И. Носова (*братская могила, в свою очередь, всякого рода, держать руки по швам, лить / проливать кровь, на совести, не по карману, сестра милосердия*).

Е. Носов пишет статью, когда идет «пятьдесят третий победный май», когда «юнгам и сынам полков — далеко за шестьдесят». В скорбный День 9 Мая люди идут к могилам погибших, «в сень по-

никших берез, белизной похожих на *сестер милосердия*», а после возложения венков, «после *режущих по сердцу* всплесков музыки и тихих всхлипов согбенных пожилых женщин в черных платках» тянет «не к победному ликованию, а к глубокому раздумью». Ветераны, бывшие гвардейцы, *на смерть стоявшие* на последних метрах сталинградских береговых откосов, уходят в *Христово воинство*, а оставшихся в живых «особенно не удерживают», а порой «и подталкивают, если не в спину, то в душу». У такого отношения к ним – несколько проявлений. (1) Девальвировались боевые награды: упразднили «Красную Звезду», в ней «устроители новой жизни» видят большевистскую «бордовость», но это же цвет «некогда *пролитой крови*». Автор задается вопросом: как праздновать День Победы без регалий этой победы, олицетворяющих собой «совершенные подвиги и *пролитую кровь*»? (2) Общество отторгает ветеранов: им неуютно «в любой очереди, на вокзале, в переполненном транспорте, в собесе, в ЖЭКе», где им приходится «быть настороже перед витающей в воздухе недоброжелательностью и *держат руки по швам*, ибо пожаловаться на произвол некому». В аптеках же ветеран «и вовсе *персона нон грата с костылем*, нечто вроде врага местного здравоохранения, т. к. имеет бесплатный рецепт на лекарства. Е. Носов отмечает, как урезают льготы фронтовикам, и вот уже в «Оптике» «льготные услуги предоставляются только инвалидам, раненым в глаз», а «если у тебя нет ноги, то <...> плати *на всю катушку*. А катушка у них мздоемкая, не всякому *по карману*»; когда же ветеран говорит, что прошлый раз все сделали бесплатно, «опте-мистка» «доброподобно» улыбается: «– *Раз на раз не приходится*». В деревне ветерану «и того хуже»: «самоликвидировались сельские медпункты, которые могли бы *оказать первую помощь*».

Заслуги бывших защитников Родины умяляются, в том числе и «отцами церкви». Пастырь с телеэкрана говорит о том, что под Сталинградом враг был остановлен «потому, что на берег была вынесена икона Казанской Божьей Матери», ветеранам это слышать обидно: «– Что же выходит? Стало быть, мы напрасно терпели этот *ад крошечный*? <...> Выходит, *лили кровь* понапрасну <...> Приказ 227 «*Ни шагу назад!*» – вот что было нашей чудотворной!» Налицо подмена истинности событий, ведь всему миру известно, насколько муже-

ственной и терпеливой была наша армия «на полях Отечественной», такой же «она проявила себя» в Афганистане и Чечне. Легковесные и неубедительные легенды не только проявление неуважения к ветеранам, но и показатель того, что происходит искажение «исторической сущности тех трагических и многокровных событий».

Е. И. Носов повторяет мысль, высказанную за 8 лет до этого в «Фанфарах и колоколах»: бесчисленные *братские могилы* «в какой-то мере *на совести* пишущих и говорящих языком искусства». Опасность «неверного слова <...> обрела еще большую разрушительную силу»: «в последнее время в печати все чаще и чаще *проявляют себя* и змеино шипят *всякого рода* небылицы», одна из них – «свидетельства» так называемого очевидца, рассказавшего на страницах «Известий» о трупных ворах на войне. Автор искренне возмущается такой клеветой: русский солдат *в массе своей* совестьлив, он не мог позволить себе этого *под страхом* душевного греха; кроме того, «грабить трупы не было соблазна: российский солдат был *гол как сокол*; по поводу признания этого якобы очевидца о том, что он «сам однажды снял ботинки с убитого лейтенанта», Е. Носов замечает, что такого быть не могло: к брюкам полагаются ботинки, а брюк тогда не шили, а ходить в галифе, повязанных на икрах обмотками, не по уставу, да и армейские умельцы могли бы сшить лейтенанту сапоги, если он «у них *в чести*». Но это «всего лишь мелкие неправды», а есть «ее крупные, масштабные формы», и одна из таких больших неправд касается увековечения памяти павших на Курской дуге. Курские власти не поддержали инициативу Вячеслава Клыкова о возведении часовни, а в Белгороде эту идею подхватили, как поддержали и бывшего политического обозревателя Всесоюзного радио и телевидения В. Бекетова, который «*в свою очередь* предложил белгородскому губернатору рядом с часовней В. Клыкова поставить мемориальный храм *в память* убиенных». По словам Е. Носова, В. Бекетов, выйдя на пенсию, «занимался *квасным патриотизмом*»: «Родом он из сельца, что в окрестностях Прохоровки. Уж очень ему хотелось, чтобы центр Курской дуги переместить на Белгородчину и чтобы впоследствии Курскую битву, частью которой является и Прохоровское сражение, называли бы в школьных учебниках Белгородской битвой».

Е. И. Носов призывает пишущих о войне быть «потихе с историей», не искажать фактов, ведь очевидцы еще живы и все помнят. Со времени написания этой статьи прошло 8 лет, нет самого Евгения Ивановича, ушли и многие другие участники великих событий, которые могли бы поправить говорящих о войне языком искусства. Изменились некоторые реалии нашей жизни, правительство пытается улучшить жизнь оставшихся в живых ветеранов; статьи же и очерки Е. И. Носова – это живые документы эпохи, запечатлевшие тяжелые страницы истории нашей страны.

Таким образом, в публицистических выступлениях Е. И. Носова разных лет военная тема развивалась, получала новые акценты, а одним из средств ее раскрытия служила фразеология. Появление фразеологизмов в текстах сопутствовало рассуждениям автора о павших во имя спасенной Родины (ФЕ *врезаться в память, у края могилы*), о снятии ветеранов с воинского учета (ФЕ *под зад коленом, заливаться краской, песок сыплется, изображать из себя, глядеть в одну точку*), о писателях-очевидцах событий (ФЕ *приметы времени, развязывать руки*), о безымянных захоронениях (ФЕ *отдавать последний долг, рожки да ножки, любой ценой*), о скорбном празднике 9 Мая (ФЕ *режущий по сердцу, сын полка, Христово воинство, стоявший насмерть*), об отторжении ветеранов современным обществом (ФЕ *персона нон грата, раз на раз не приходится, оказывать помощь*), о сохранении исторической правды (ФЕ *ад кромешный, гол как сокол, квасной патриотизм, ни шагу назад*).

Список литературы

1. Носов Е. И. Слово о сержанте Борисове // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Русский путь, 2005. – Т. 4. – С. 369–375.
2. Носов Е. И. С сединою на висках... // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Русский путь, 2005. – Т. 4. – С. 375–383.
3. Носов Е. И. Фанфары и колокола // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Русский путь, 2005. – Т. 4. – С. 383–393.
4. Носов Е.И. Мемуары и мемориалы // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Русский путь, 2005. – Т. 4. – С. 393–404.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; под

ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

6. Каменский М. В. Социолингвистическая парадигма дискурсных маркеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Ставрополь, 2007. – 19 с.

7. Лингвистические маркеры. Ключи семантической реальности [Электронный ресурс]. – URL: <http://nlp-system.com/lingvisticheskie-markery-klyuchi-semanticheskoy-realnosti.php>.

8. Порублева И. Ю. «Военная» проза Е. И. Носова: проблемы идиостиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Ставрополь, 2010. – 25 с.

9. Разумова М. А. Лексика публицистического дискурса Е. И. Носова : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Курск, 2007. – 18 с.

10. Сальников П. Г. Берега... Берега... // Книга о Мастере: Холмы и берега Е. Носова. – Курск : Крона, 1998. – С 89–99.

11. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М. : АСТ, 2001. – 720 с.

УДК 347.78.034: 821.16

Н. А. Боженкова, А. А. Дудникова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

**АДЕКВАТНОСТЬ СЛАВЯНО-СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА:
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА
«СКИТАЩИ ГРАДСКИ КУЧЕТА» Й. РАДИЧКОВА)**

Статья представляет собой описание основных переводческих действий, предложенных участниками семинара «Школа молодого переводчика» и конкурса студенческого художественного перевода, при работе с текстами на близкородственных языках.

Ключевые слова: эквивалентный перевод, болгарский и русский языки, идиостиль, переводческие решения.

Общеизвестно, что перевод – это сложная многоплановая деятельность, которая предполагает сочетание определенных практических навыков с творческим подходом, следовательно, к переводчику предъявляется ряд требований: отличное знание как родного, так и языка перевода, их специфика, знание истории и культуры обеих стран и т. п. Эти требования обусловлены тем, что каждый, кто занимается переводческой деятельностью, неизбежно сталкивается с проблемой соответствия смысла текстовой единицы, оформленной разными языками.

В лингвистике неоднократно рассматривался вопрос адекватности и эквивалентности перевода, сущность и соотношение этих понятий¹. Несмотря на определенные различия во взглядах исследователей, современный подход к данным понятиям идеологически может быть сведен к следующему: акцент при переводе должен делаться не на форму сообщения, а на реакцию получателя, т. е. важно прежде всего воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала «с поправкой на различия между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [1, 2]. Не случайно Е. Г. Эткинд, советский филолог, историк литературы и теоретик перевода, отмечал: «Без хорошего владения обоими языками и их сопоставительной стилистикой, без понимания законов, по которым в обеих литературах развивались жанры, поэтические и речевые стили, без глубокого знания истории обеих литератур и их взаимовлияний подлинный творческий перевод невозможен» [3]. Соответственно, результативность переводческой деятельности определяется достижением/недостижением у иноязычной (значит, инокультурной) аудитории семантико-чувственных представлений, эквивалентных представлениям о данном тексте у носителей языка-оригинала.

Одна из главных трудностей славяно-славянского перевода заключается в иллюзии легкости данного процесса, ошибочном мнении, что если языки являются близкородственными, то и культуры этих народов непременно соотносимы. Следовательно, основополагающим шагом переводчика, работающего с текстами на

---

¹ См. работы А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, К. И. Чуковского, В. Н. Комиссарова, И. А. Кашкина и др.

родственных языках, должно стать выявление позиций не столько схожести, сколько различия двух национально-этнических культур.

В связи с изложенным интересно проанализировать ряд интерпретационно-языковых решений, предложенных при переводе рассказа Йордана Радичкова «Скитащи градски кучета» («Бродячие городские собаки») ¹. Главными действующими лицами рассказа являются собаки, к которым автор относится с большой симпатией, «очеловечивая» их поведение и разговоры. Собаки, подобно людям, приветствуют друг друга, ведут непринужденную беседу, спорят, иронизируют и дают советы. Меняя речевой регистр с разговорного на более официальный и включая термины типа «налога на добавочную стоимость», автор демонстрирует, что одни собаки более образованны и воспитанны, чем другие. Именно это переключение регистра стало одной из трудностей для переводчиков рассказа. Так, например, один из героев произносит: *«Всичко от наша страна му се обясни най-подробно»*, что следует переводить как *«с нашей стороны ему были даны подробнейшие объяснения»*, поскольку трансформация с заменой пассива активом (*«мы все обяснили ему очень подробно»*) или дословный перевод (*«с нашей стороны все ему было обяснено подробнейшим образом»*) не передают в достаточной мере подчеркнуто официального характера данной фразы и ироничного авторского отношения к ней.

Важно также обратить внимание на то, что автор использует глаголы совершенного вида в формах настоящего времени (подоб-

---

¹ Рассказ Й. Радичкова был дан участникам студенческого конкурса переводов болгарской художественной литературы (проводимого МГУ им. М. В. Ломоносова и Посольством Республики Болгарии в России с 2000 года) и участникам «Школы молодого переводчика» (нового проекта, впервые организованного Институтом перевода и Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино в этом году).

Также необходимо отметить, что студентам, аспирантам и молодым преподавателям предоставлена возможность восполнить тот гигантский пробел, что образовался с советских времен между нашими странами. И если в Болгарии еще переводится русская литература (хотя, безусловно, эти цифры не велики – всего 650 произведений за 15 лет), то в России про болгарскую литературу забыли вообще (за те же 15 лет переведено всего 17 книг, 6 из которых перевела и издала Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино).

ное употребление глаголов формирует представление о регулярной повторяемости комплекса действий) как своеобразное художественное средство: автор стремится создать впечатление, что «собачьи» разговоры не случайность, не нечто исключительное. В русском же языке подобное употребление глаголов невозможно, поэтому следует найти какие-то обороты, дополнительные лексемы, которые могли бы детализировать этот факт и сохранить в переводе одну из значимых характеристик «очеловеченных» собак [2].

Еще одной трудностью для перевода является неоднократное повторение автором одних и тех же слов в коротком отрезке текста. Как писал А. В. Федоров в работе «О художественном переводе»: «Ритм прозы создается не столько правильным чередованием звуковых единиц (например, слогов ударных и неударных, целых групп слогов, мужских и женских окончаний), сколько упорядоченным расположением более крупных смысловых и синтаксических элементов речи, их следованием в определенном порядке – повторениями слов, параллелизмами, контрастами, симметрией, характером связи фраз и предложений» [4]. Однако переводчики часто игнорируют фигуры повтора, заменяя накладывающиеся слова синонимами, и тем самым уничтожают идиостиль автора. Одновременно встречаются случаи, когда сохранить фигурированную конструкцию не представляется возможным: в рассказе собаки обращаются друг к другу «*братовчед*», но для русского человека обращение «двоюродный брат» имеет конкретное значение, характеризующее родственную связь. Собаки же являются друг другу не столько родственниками, сколько братьями по несчастью, поэтому при обращении было использовано слово «*дружище*», а во всех остальных случаях пришлось употреблять конструкцию типа: «*сказал один... второй ему ответил*»¹.

Самой большой трудностью, безусловно, является переводческий подбор фразеологизмов. К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство» неоднократно говорит о том, что нужно очень внимательно относиться к устойчивым оборотам в языке, ведь главное в них – смысл. «Нужно быть ребенком, не успевшим привыкнуть к метафорической речи, чтобы замечать в наших иносказаниях обра-

---

¹ Во всех остальных случаях повтор был сохранен.

зы, которые почти никогда не воспринимаются взрослыми» [5]. Однако если переводить фразеологизмы дословно, то восприятие взрослого будет соотносительно с детским, когда акцентируется внимание на значении конкретных слов, а не всего выражения в целом. По этому поводу К. И. Чуковский замечает: «...стиль перевода не будет нарушен, если в меру и с тактом передавать иностранные поговорки и пословицы – русскими, особенно в тех случаях, когда буквальный перевод выходит неуклюж и многословен» [Там же]. В рассказе Й. Радичкова встречается следующий фразеологизм – «*като бълха в гащи*», значение которого можно передать как «скрывать нечто так, чтобы этого никто не видел, молчать о чем-то». И хотя в русском языке можно подобрать аналог, от него все же пришлось отказаться и оставить нечто подобное болгарскому обороту – «*прятать вошь в штанах*», так как для автора был важен не только сам фразеологизм, но и игра слов, основанная на одном из его компонентов – «гащи» – панталоны, нижнее белье. Из этого существительного Й. Радичков образует два глагола, которые повторяются у него несколько раз, – «*огащвам*» и «*разгащвам*», и получаются следующие фразы: «*Сега вестникът пише за всичко, не е като едно време да се спотайва и да мълчи като бълха в гащи! Вестникът сега не само че не мълчи, ами всичко разгащва. Колкото и хората и държавата да се грижат да се огащват и да си връзват гащите, вестникът гледа да ги разгащва и ела да видиш какво става!*» Придуманные автором глаголы можно было бы перевести, как «*натягивать штаны*» и «*стягивать их*», но чтобы сохранить и смысл, и игру слов пришлось прибегнуть к более сложной трансформации: «*Сейчас же, если хочешь что-нибудь узнать, бери газету и читаешь – газеты пишут обо всем, не то что раньше, молчали, будто вошь в штанах прятали! Сейчас газета не только не молчит, а буквально роется в белье. И сколько не пытаются люди и государство спрятать свое грязное белье, газета все равно вытаскивает все наружу. И посмотри, что из этого вышло!*»

Стоит обратить внимание на еще одну стилистическую трудность – использование в «разговорах» собак специфических глагольных несвидетельских форм. В болгарском языке подобные формы употребляются, когда говорящий не является свидетелем

описываемого им события, также они отражают сомнения в истинности описываемого события, ироничное отношение к нему, что невозможно передать без соответствующих компенсирующих трансформаций, так как в русском языке глагольные формы с подобным значением отсутствуют [6], поэтому фразу одного из героев: *«А, дядо ви едно време все колесници на самолети е пре-ликавал»* («А, было время, дед ваш все шасси пометил») можно передать, например, так: *«Ну да, ваш-то дед все шасси пометил»*.

Конечно, нельзя не сказать о некоторых переводческих сложностях, обусловленных наличием лингвокультурных лакун. Одна из них связана со специфическим болгарским словом «юнак», которое невозможно перевести на русский, поскольку у нас нет и не было такой реалии. Безусловно, в словаре можно найти слово, перевод которого, вероятнее всего, будет звучать как «герой», но «юнак» – герой именно былинных сказаний, похожий на русского богатыря. Здесь стоит обратиться к контексту, в котором встречается эта лексема; произносят ее болельщики, которые возвращаются с футбольного матча и хором скандируют: *«Българи – юнаци!»* В данной ситуации не представляется возможным перевести это слово ни как «герои», ни тем более как «богатыри» (в силу того, что богатырь, подобно болгарскому слову «юнак», специфическая русская реалия, и они совсем не равны друг другу), поэтому приходится подбирать синонимы. Однако и *«болгары – молодцы»* не звучит как речевка, которую могут кричать фанаты, поэтому наиболее подходящим можно считать вариант *«бол-га-ры – вне-ред!»*, написанное с включенными дефисами, подчеркивающими, что болельщики именно скандируют эти слова. Второй случай связан с одним из персонажей рождественского и новогоднего фольклора. В России это Дед Мороз, а в Болгарии – Дядо Коледа, хотя наравне с этим существует и русизм Дядо Мраз. Однако дословный перевод фразы *«по същия начин хората объркали Дядо Мраз и Дядо Коледа»* /«таким же образом люди путают Деда Мороза и Деда Рождество» является некорректным, так как в России существует только одно название данного персонажа. Следовательно, необходимо вспомнить, что в связи с широким распространением Европейской культуры русские знают, что на Западе на Рождество де-

тям дарит подарки Санта Клаус, и перевести следующим образом: *«точно так же люди путают Деда Мороза и Санта Клауса»*.

Таким образом, основная задача переводчика, детерминирующая его практические решения, заключается в том, чтобы помочь участникам коммуникации преодолеть мешающие им культурно-исторические или актуально-событийные расхождения лингвоэтнического характера. В аспекте славяно-славянского перевода особое внимание следует уделять не сходству, а явным и латентным различиям в языке и культуре¹, при этом нельзя забывать о необходимости учитывать языковые привычки носителей языка перевода. В противном случае привычное восприятие текста нарушается и, как результат, отрицательно сказывается на равноценности регулятивного воздействия [7].

Список литературы

1. Швейцер А. Д. Теория перевода. – М., 1988.
2. Ржанникова О. А., Тимонина Е. В. Лингводидактика. Перевод художественного текста на русский язык: некоторые проблемы обучения студентов-болгаристов // Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / ред. кол.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – С. 183–191.
3. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. – Л.: Советский писатель, 1963.
4. Федоров А. В. О художественном переводе. – Л., 1941.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Время, 2014.
6. Ржанникова О. А., Тимонина Е. В. Некоторые размышления в связи со студенческим конкурсом художественного перевода // Славянский вестник. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 2. – С. 292–299.
7. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2005.

---

¹ Нередко исходный текст содержит информацию, которой располагают носители языка оригинала, но не носители языка перевода. Это обстоятельство должен учитывать переводчик и вносить в свой перевод соответствующие нивелирующие поправки.

УДК 81

Н. А. Боженкова, А. А. Костина

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина», Москва

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ РКИ В СЕРБИИ И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОГО УЧЕБНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРБСКИХ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье предлагается диахроническое описание принципов национально-ориентированного подхода к практике преподавания РКИ вне языковой среды сербским студентам-филологам.

Ключевые слова: национально-ориентированный подход, учебник русского языка как иностранного, формирование коммуникативной и лингвокультурной компетентности.

Одним из наиболее ярких проявлений русско-сербских культурных связей является история преподавания в Сербии русского языка. Заслуги в деле внедрения в образовательную систему Сербии русского языка как учебного предмета, в составлении первых учебников русского языка, в практической реализации обучения и обосновании его теоретических начал принадлежат русским интеллигентам нескольких поколений: во-первых, тем, чья деятельность совпала со становлением сербской системы народного просвещения в XIX веке, во-вторых, эмигрантам, очутившимся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев после революционных событий и укоренявшим в новой среде лучшие традиции русской филологии, и, в-третьих, поколениям славистов русского происхождения – представителям русской диаспоры в Сербии, – которые активно включились в становление и развитие методики преподавания русского языка в сербской среде в послевоенные десятилетия.

Первый учебник русского языка в Сербии был составлен П. А. Кулаковским, московским славистом, который по инициативе

Правительства Сербии был назначен на кафедру русского языка и словесности Великого училища в Белграде (первого сербского университета). В 1879 г. он опубликовал «Руску читанку за Велику школу», которая не только была высоко оценена современниками, но и до сегодняшнего дня считается одним из лучших пособий, опубликованных в период до Первой мировой войны [2, с. 79–84, 193–194]. Начало институционального преподавания русского языка в Сербии связывается с именем Д. А. Рудинского, кандидата богословских наук и преподавателя Кишиневской духовной семинарии, который с 1849 по 1854 г. обучал русскому языку учащихся первого и второго классов Белградской духовной семинарии. В 1852 году именно он составил учебник для сербов «Руска грамматика», который навсегда остался в рукописи [10, с. 85–93]. В тот же период популяризацией изучения русского языка занимается и Н. Глушчевич, которая в 1887 г. становится преподавателем русского языка в белградской Высшей женской школе. Свою первую хрестоматию – «Руску читанку за први и други разред Вишеженске школе» – она опубликовала в 1891 г. (2-ое изд. 1893) [3, с. 106–114].

В 1945 г., как ответная реакция на подъем интереса к овладению русским языком, появилось пять новых учебников, три из которых принадлежат авторам – носителям русского языка: «Уцбеник руског језика са читанком и речником» Н. Чернышева, Л. Сухотина и коллектива; двухтомник «Јачитам руски: без учитеља – без речника» С. М. Живковича и Н. А. Чернышева; «Руски новиј методи» П. Суханова. Поскольку русский язык был введен в школы в качестве обязательного предмета, изучение которого начиналось с третьего класса гимназии, появилась явная необходимость в соответствующих школьных учебниках, из которых хронологически первым явился «Учебник русского языка» П. Митропана и Н. Санукевича. Авторы учебников умело ответили на социальный заказ своего времени, создав в кратчайшие сроки первые учебники русского языка, которые обеспечивали пользователям корректное получение знаний и овладение навыками и умениями на начальном этапе. Эффективность новой серии учебников их авторы обеспечили прежде всего включением в образовательный процесс новой, более доступ-

ной по сравнению с межвоенным периодом литературы из СССР. Таким образом, русские авторы заложили фундамент отечественной продукции учебников и учебных пособий по русскому языку, которая во второй половине XX века по числу названий и тиражам, бесспорно, являлась ведущей, предельно богатой и плодотворной деятельностью в отечественной русистике [4, с. 255].

Интеграционно-глобализационные процессы последних 2 десятилетий существенно изменили образовательную парадигму сербских вузов. Так, сегодня специальность «Преподаватель русского языка и литературы» реализуется на кафедре славистики Белградского университета (наряду с русским там изучается белорусский язык, украинский, чешский, польский, словацкий), на кафедре русского языка и литературы Новисадского университета, на аналогичной кафедре Нишского университета, которая первоначально существовала как кафедра славистики с балканистикой (соответственно, вместе с русским там изучается греческий и болгарский языки).

Кроме этого, в вузах страны русский язык изучается как иностранный. Поступая в вуз, студент имеет право выбрать, какой именно язык он будет изучать: как правило, выбор не велик и предполагает альтернативу – английский или русский. Следует констатировать, что английский язык во многих вузах сейчас вытеснил русский. Причины происходящего очевидны: после Второй мировой войны изучение русского языка было массовым, однако «разногласия» Б. Тито со И. В. Сталиным и известная резолюция Информбюро обусловили естественный страх граждан Сербии, и изучать русский язык решались лишь немногие. Позже положение выровнялось, и русский язык приобрел вполне солидный статус – один из самых популярных иностранных языков. Вместе с тем в Сербии долгое время не было выработано какой-либо четкой языковой стратегии. В результате «отмирание» языков было быстрым и хаотичным, а русский язык в этом процессе остался незащищенным. В настоящее время ситуация выравнивается и русский язык начинает возвращаться, хотя и не в прежнем объеме, в сербские школы. Бесспорно, дальнейшая судьба русистики на сербском об-

разовательном поле будет зависеть от политико-экономических действий РФ¹.

Своя, особая, ситуация складывается на территории Косово и Метохии. Русский язык изучается здесь активно (почти в каждой второй школе, в Косовской Митровице функционирует кафедра русского языка и литературы), но существует латентное давление органов УНМИК, выражающееся в активной поддержке (разнообразными семинарами, книгами, стипендиями и иным материальным стимулированием) тем учебным заведениям, которые переходят на изучение английского языка. Кроме того, в «своем» протекторате очень активны иностранцы: в районе Косовской Митровицы – французы, в окрестностях Призрена – немцы. Соответственно, число школ, изучающих русский язык, уменьшается. К сожалению, работа Русского культурного центра по ряду причин ограничивается Белградом и небольшой областью около него, с другой стороны, работа официальных представителей России, в чьи обязанности входит укрепление русской культуры и статуса русского языка, и сербских русистов, энтузиастов своего дела, – лекции, семинары, визиты – при весьма скромных финансовых возможностях довольно обширна². Думается, что в настоящий период, «если разбить стереотипы и предубеждения, которых, когда речь идет о России, очень много», возможно изменить сложившуюся ситуацию [8].

В этой связи следует сказать о широко известном пособии Л. Шпис и Б. Гавела «Руски у 100 лекција», неоднократно переиздаваемом многочисленным тиражом более 50 лет и предназначенном прежде всего для начинающих изучать русский язык самостоятельно. Структура учебника, включающего всего 288 страниц, – русская азбука, 100 уроков грамматического и лексического содержания, словарь – обусловила его простоту, ясность, корректность и высокие дидактические качества. Программный материал, пред-

---

¹ Так, преподаватель русского языка и литературы Белградского университета И. Антанасиевич полагает, что если Россия поддержит эту тенденцию, то русский язык будет иметь и солидную базу, и ясную перспективу.

² И. Антанасиевич считает, что Россия сможет «санировать» проблему, если будет принята программа помощи русскому языку на территории Косово и Метохии.

ставленный в ста уроках, является хорошим базисом для дальнейшего изучения русского языка [6, с. 266], что определило высокий рейтинг пособия и его широкое использование в обучении. Конечно, в данном учебнике не всё соответствует современным методологическим постулатам обучения РКИ, но именно его, сыгравшего огромную роль в изучении русского языка в Сербии на протяжении целого ряда лет, можно считать наиболее национально-ориентированным.

На современном этапе обучение русскому языку (несмотря на существенное сужение образовательного пространства) направлено на формирование учащимися коммуникативной (лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, социокультурной, социальной и стратегической) и лингвокультурной компетентности в их единстве и взаимосвязанности, поэтому в сербских университетах сегодня активно используют российские учебные пособия. Наиболее популярным можно назвать пособие «Поехали!» С. И. Чернышова; наряду с ним частотно используют пособия А. Богомолова «Окно в Россию», «Вперёд», «Новости из России»; «Как спросить, как сказать» Н. И. Бондарь, «Русская газета к утреннему кофе» Е. Бегеновой. Сербские же учебники РКИ ориентированы, как правило, на школьную программу: отметим «Конечно 1» и «Конечно 2» К. Амштарн-Баман, «До встречи в России» (в 4-х частях) Б. Марич, «Орбита» (в 4-х частях) П. Пипер.

Учебный комплекс для старших классов восьмилетней школы «Орбита» (авторы П. Пипер, М. Петкович и С. Миркович, Белград, 2007-2010 гг.) используется в обучении русскому языку как первому иностранному. Каждая из 4 частей включает в себя учебник с компакт-диском, рабочую тетрадь, пособие для учителей.

Особым отличием учебного комплекса «Орбита» можно считать наличие более широкого пласта лексики (чем это было в учебниках предыдущего поколения), касающейся православной духовности и традиционной культуры. Это, бесспорно, отражает перемены в аксиологической системе обучения РКИ – возвращение к традиционным ценностям. Учитывая факт, что сербская культура является генетически близкородственной по отношению к русской,

авторы сознательно включили в процесс обучения тексты, указывающие как на принадлежность сербского и русского народов общей православной культуре и духовности (например, текст в учебнике для восьмого класса об экскурсии по сербским средневековым монастырям или об экскурсии по «Золотому кольцу» России), так и на определенные отличия, касающиеся празднования Рождества и Пасхи. Здесь же мы видим текстовые блоки, в которых объясняется, например, как русские встречают желанных гостей, что при этом говорят, чем их угощают; описывается русский национальный костюм; говорится о народных поверьях и др. Этой же цели служит и работа с русскими пословицами, поэтапное введение которых начинается еще в пятом классе в строгом соответствии с уровнем коммуникативной компетентности учащихся (из паремического фонда исключаются единицы с диалектизмами и архаизмами, поскольку коммуникативно-когнитивные потребности учащихся данного возраста еще довольно ограничены)¹. Сравнительно-сопоставительная презентация иностранных и отечественных традиций и обычаев способствует восстановлению диалога между культурами, а также усвоению учащимися ценностей русского университета и созданию положительной картины собственной отечественной культуры [1].

Безусловно, что с целью приобретения учащимися социокультурной компетентности как части компетентности коммуникативной и лингвокультурной компетентности, кроме презентации собственно грамматического содержания, учебник должен содержать существенные культурологические сведения. Информация такого типа в рассматриваемом учебнике организована по следующим тематическим областям: География России; Путешествие по России; История, культурное прошлое и современность, памятники и достопримечательности самых больших русских городов (Москвы и

---

¹ Спорным вместе с тем можно считать тот факт, что в учебниках для всех 4 классов почти не присутствуют текстовые и собственно лексико-грамматические единицы, описывающие политическую и экономическую системы России. Представляется, что без таких знаний вряд ли можно говорить о сформированности лингвокультурной компетенции.

Санкт-Петербурга); Русская природа и ее художественная обработка в произведениях писателей, поэтов, художников; Традиции и обычаи русского народа, фольклорные и современные праздники; Русская музыка (народная, классическая, современная); Театральная жизнь России в прошлом и настоящем; Русская литература (известные писатели, их жизненный путь и творчество, известные произведения, любимые герои русской литературы); Образовательная система России; Развитие науки в России; Спорт в России, известные спортсмены и их достижения; СМИ, развлечение в России и др. Наряду с культурологическими темами, в данном учебнике отражены блоки, направленные на прагматическое ознакомление учащихся с русским бытом. К таковым темам отнесем: Городской транспорт (где особое внимание уделяется специфике московского метро); В магазине; Разговор по телефону; У врача и многие другие темы, имплицитно содержащие возможность обработки на материале русской действительности и тем самым приобретающие этнокультурный характер. Все анализируемые темы стимулируют интеллектуальный потенциал учеников, являются коммуникативно релевантными, а факты в них презентуются объективно, без идеализации или архаизации быта и культурных ценностей страны изучаемого языка. Одновременно учебный комплекс открыт техническо-технологическим инновациям, в тексты включаются лексемы, связанные с современными информационными технологиями, мобильной телефонией и с другими новинками, которые привлекательны для молодого поколения.

Кроме того, в данном учебном комплексе прослеживается тенденция обучения учеников эффективной коммуникации, а это подразумевает, что учащиеся должны овладеть узусом, формулами и правилами речевого этикета и невербальными коммуникативными знаками (прежде всего, жестами и обычаями в повседневном поведении)¹. Такие содержательные моменты, как правило, интересны для обучающихся и, соответственно, должны находить своё

---

¹ Полагаем, что «демонстративное» знакомство с типичными русскими паралингвистическими средствами и специфическими нормами поведения в русской среде существенно снизит возможные коммуникативные неудачи.

место как в процессе обучения, так и в учебниках, представляющих собой модель реализации этого процесса. В связи с этим можно заметить, что авторы рассматриваемого учебного комплекта старались вводить соответствующую информацию постепенно: она отсутствует в учебниках для пятого и шестого класса, а появляется и предметно иллюстрируется в учебниках для седьмого и восьмого класса (невербальное выражение согласия и несогласия, одобрения, перечисления, приветствия при встрече или при расставании; жесты, которыми русские останавливают такси или транспорт в случае опасности/несчастий и т. п.). Сферу применения речевого этикета составляют разные ситуации; коммуникативные единицы, используемые в данных ситуациях, образуют такие отдельные тематические группы, как обращение и привлечение внимания, приветствие и прощание, знакомство, извинение, выражение благодарности, просьбы, поздравление и т. д. Данные тематические группы представлены наглядно и системно, с явно выделенными формулами и примерами их употребления, с сопровождающими их упражнениями, причем основным способом их презентации авторы выбрали концентрическое изложение (репертуар единиц в рамках каждой из тематических групп постепенно усложняется).

Таким образом, спустя много лет с начала институционального преподавания русского языка в Сербии и создания первых учебников русского языка как иностранного разработаны национально-ориентированные комплексы РКИ, основополагающей целью которых является «ознакомление с культурой, которая использует данный язык посредством всеобъемлющего, систематического и открытого диалога, и повторное открытие через данную призму собственной национальной культуры и самого своего бытия» [5, с. 35]. Национально-ориентированные учебники РКИ не каталоги с разнообразной информацией; они дают ученику-носителю славянской культуры возможность посредством другого языка «почувствовать» русский народ, его менталитет, и использовать сведения из разных областей в целях формирования кросскультурной коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Боженкова Р. К., Боженкова Н. А. Уроки русского: методические материалы для преподавателя. – М.: Русский язык. Курсы, 2015.
2. Дамљановић Д. Руски језик у Србији. Уџбеници до 1941 године. – Београд, 2000. – С. 79–84, 193–194.
3. Дамљановић Д., Кончаревић К. Настава и методика наставе руског језика у Србији у XIX и XX веку: прилози за историју. – Београд, 2010. – С. 106–114.
4. Кончаревић К. Вклад представителей русской диаспоры в практику составления учебников по русскому языку для сербской аудитории. Сборник Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностранном окружењу. – Београд, 2011. – С. 255.
5. Кончаревић К. Језик и православна духовност. – Крагујевац, 2006. – С. 35–55.
6. Матияшевич Е. Учебник „Руски у 100 лекција“ (авторы: Лидия Шпис и Босилька Гавела) в изучении русского языка в Сербии. Сборник Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностранном окружењу. – Београд, 2011. – С. 266.
7. Матрусова А. Н., Бегунц И. В. Prirucnik govorne vezbe // Savremeni ruski jezik I – IV. – 2015. – С. 245–248.
8. Православие.ru. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/070306004256.htm>.
9. Радевић М. Почети наставе руског језика у Србији. Неколико докумената 1852-1864. Настава и васпитање. – Београд, 1971. – № 4. – С. 493–505.
10. Радевић М. Први Руси професори у Београду. Историјски гласник. – Београд, 1965. – № 1. – С. 85–93.

УДК 81'42

Р. К. Боженкова¹, Н. А. Боженкова², Д. В. Атанова³

¹ ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана»

² ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», Москва

³ ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ЖАНРА ПРОПОВЕДИ КАК ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ПРОПОВЕДЕЙ)

Статья посвящена выявлению в текстах проповедей разноуровневых языковых средств как приемов реализации коммуникативно-прагматической цели религиозного дискурса. Исследование проводится на материале русскоязычного православного и англоязычного протестантского образцов проповеднических текстов.

Ключевые слова: религиозный дискурс, проповедь, воздействие, концепт, фасцинативность.

Религиозный дискурс понимается как общение, основная цель которого – приобщение человека к вере или поддержание веры. Для достижения данной цели служат как вербальные, так и невербальные средства воздействия на сознание и поведение прихожан.

Функция воздействия является ведущей для проповеди как одного из жанров христианского теологического текста и религиозной коммуникации в целом, что во многом определяет прагматическую направленность проповеди и коммуникативные интенции ее автора. Данный факт позволяет предположить, что воздействие должно состоять в стимулировании неких концептуальных религиозных представлений в сознании реципиента посредством тех мен-

тальных атомов¹, которые несет сама проповедь. Именно поэтому православная и протестантская проповеди строятся таким образом, который дает возможность наиболее действенно актуализировать (или сформировать) в сознании адресата те или иные концепты, чему служат различные композиционные приемы и реализующие их речевоздействующие языковые средства. Так, в анализируемых нами проповедях – «Откуда берется зло?» протоиерея Василия Ермакова и «My only comfort» Джона Ноордхофа – отмечено большое количество разноуровневых языковых средств, оказывающих эмоционально-эстетическое воздействие на получателя.

Среди суггестивных механизмов организации речевого произведения прежде всего выделяем суперсегментное фонологическое явление просодии. Просодические характеристики участвуют в реализации композиционно-структурных отношений и смысловой структуры текста, выражая широкий спектр эмоционально-модальных значений и тем самым придавая высказыванию экспрессивность, что и делает просодию значимым средством эмоционального воздействия.

Важнейшей просодической характеристикой жанра устной проповеди является ритмическая организация речевого потока. Ритмообразующая функция просодии заключается в повторяемости ритмических единиц, порождающей у слушателей ощущение четкой периодичности, что повышает фасцинативность звучащего текста.

И в православном, и в протестантском вариантах проповеди наблюдаем многочисленные повторы: *«Ведь мы всегда отличались милосердием, мы всегда отличались любовью к ближним, мы всегда отличались и будем отличатся состраданием к тем, кто страдает»*, *«У нас есть сила, противоядие этому злу — молитва, молитва Храмовая, в храме мы получаем великую духовную по-*

---

¹ В настоящем исследовании ментальным атомом мы называем концепт, который, по убеждению ряда ученых, есть ментальная единица, элемент коллективного сознания (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова и др.), представляющий предмет реального или идеального мира и находящийся в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата (А. П. Бабушкин). Данное понимание концепта позволяет нам выделять и анализировать лингвокультурные содержательно-смысловые единицы текстов проповедей.

мощь, помощь Благодати Божией»[4], «*It's a comfort that tackles the problems of life. It's a comfort that reaches to the whole person. It's a comfort that is true all of the time*» / *Это утешение, которое разрешает жизненные проблемы. Это утешение, которое охватывает всего человека. Это утешение, которое вечно истинно* [6].

Такие ритмико-интонационные стороны речи оратора-проповедника, как высота, громкость тона, тембр голоса и т. п., способствуют темповой «гладкости», четкости проповеди, и грамотное оперирование лингвистическими средствами в совокупности с просодическими единицами создает необходимую для восприятия тональность.

На лексико-семантическом уровне обращает на себя внимание частотное использование синонимических и антонимических единиц. Использование синонимов иллюстрируют следующие предложения:

«*Это надо <...> учесть, всматриваясь, взглядываясь – что было в то, кровавое, страшное время*»;

«*И больно мне, когда нас унижают, больно тому, кого мы унижаем, кого мы давим, оскорбляем*»;

«*20-й век – он был кровавый, он был тяжелый, он был почти трагическим для нашей Родины*»;

«*Бойтесь, подумайте, осознайте, почувствуйте, что за все надо платить*»;

«*У нас есть сила, противостояние этому злу — молитва*» [4];

«*At the same time, it seems almost futile to speak of comfort, because there is no end to trouble. The problems of the world have always been there*» / *В то же время кажется бесполезным говорить об утешении, потому что нет конца несчастьям. Проблемы были всегда*;

«*The healing of disease is just as important as the forgiveness of sins*» / *Излечение от болезни так же важно, как и прощение грехов*¹ [6].

---

¹ В христианской религии вообще, безотносительно к определенному лингвокультурному и конфессиональному типу религиозного дискурса, эти единицы имеют тождественный смысл.

Функционирование антонимов в текстах проповедей, главным образом, сводится к созданию контраста:

«Человек не желает вслушаться, всмотреться в мир человеческий, который живет, с одной стороны, по законам **силы кулака и зла ненависти**, но с другой стороны – **любви, сострадания и всепрощения**»;

«Бог нам поможет быть теми **милосердными**, теми **настоящими, русскими, православными христианами** в нашей **злой** жизни на сегодня» [4].

«<...> *my only comfort in **life** and in **death** is that I am not my own but belong—**body and soul** <...> to my faithful Savior Jesus Christ*» / мое единственное утешение **в жизни и в смерти** – в том, что я не свой собственный, но принадлежу – **душой и телом** моему истинному Спасителю Иисусу Христу;

«*He was interested in both **the physical needs** of humanity as well as **the spiritual needs***» / Для него были важны как **физические**, так и **духовные** нужды человечества;

«*We desperately need to speak of **comfort** because the world groans in **agony***» / Мы отчаянно должны говорить об **утешении**, потому что мир стонет в **муках** [6].

Важно, что коммуникативно-смысловая нагрузка в большей степени ложится на контекстуальные синонимы и антонимы, своеобразно создающие метафорический фон развития религиозного дискурса.

Широкое использование качественных имен прилагательных и производных от них местоимений с разными оценочными значениями позволяет максимально полно реализовать прагматическую задачу текстов проповедей:

«<...> много видишь иногда **добрых, хороших** людей <...>»; «<...> чтобы вокруг со мной стоящим людям было **тепло, радостно и спокойно** <...>»;

«<...> в храме мы получаем великую **духовную** помощь <...>»; «<...> о чем предупреждалось явным, ясным, могучим словом <...> русскими людьми, грамотными, **духовно просвещенными**» [4];

«*There was no electricity, no modern medicine, no **quick** means of transportation*» / Не было ни электричества, ни современной меди-

цины, ни **быстрых** средств передвижения; «*But we can **quickly** tell how superficial and inadequate these answers are*»/ Но мы **быстро** можем сказать, насколько поверхностны, неполноценны эти ответы;

«*I belong to my **faithful** Savior Jesus Christ*» / Я принадлежу моему **верному** Спасителю Иисусу Христу; «*Or perhaps, a person does seek to follow one of the other religions of the world **faithfully***» / Или, возможно, человек действительно стремится **верно** следовать за одной из других религий мира [6].

Интересны случаи использования метафоры, активизирующей создание ярких образов в сознании реципиента:

«*<...>какие **глыбы** зла всплывают на фоне нашей жизни<...>*»[4];

«*Is this confession a last remedy or a **daily vitamin**?*» / Это признание – последнее средство или **ежедневный витамин**? [6]

На лексико-синтаксическом уровне выделяем следующие средства:

- синонимические единицы, выстраивающие градационные ряды:

«*Нет, всё, что говорилось, **святое**, всё, что говорилось, **доброе**, о чем предупреждалось **явным, ясным, могучим** словом нашими **добрыми, далеко смотрящими, русскими** людьми, **грамотными, духовно просвещенными, предупреждающими***» [4];

«*He can be our **refuge and strength**, an ever-present **help** in trouble*»/ Он может быть нашим **прибежищем и крепостью**, вездесущей **помощью** в бедах [6].

- антонимические единицы, многократное употребление которых образует конструкции с синтаксическим параллелизмом:

«*Смотрите, не делайте зла, проявите милосердие, проявите сострадание, проявите любовь к ближнему*» [4];

*we know of those struggling with **disease**, even facing **death**. We know of **broken relationships** within marriages* / «Мы знаем о тех, кто борется с **болезнью**, даже находясь под угрозой **смерти**. Мы знаем о **сломанных отношениях** внутри браков» [6];

«*Infant mortality rates were **high** and **life expectancy** was **short***» / «Показатели младенческой **смертности** были **высоки**, а **продолжительность жизни** была **короткой**» [6].

• парцелляция, выполняющая эмоционально-выразительную функцию¹: «*И пошло, и поехало. Началась революция, и понеслось*» [4]; «*Its powerful answer did not come easy. Nor should it*» / «Его **мощный** ответ не пришел легко. И не должен» [6].

• риторические вопросы, направленные на выработку у адресата собственной идеи: «*А почему все совершается? Кто повинен в этой трагедии нашего земного бытия?*» [4], «*Does the solution offered provide an answer all of the time or just some of the time? Is it just as true for those who live in Asia as it is true for those who live in this community?*» / Предлагаемое решение дает ответ на все времена или только на некоторый промежуток? Это так же справедливо для тех, кто живет в Азии, как и для тех, кто составляет это общество? [6]

• предложения с императивной модальностью: «*Так давайте же будем теми, кем мы являемся – христианами, милосердными, добродетельными, добропорядочными, терпеливыми, не будем воздавать зло за зло*» [4]. В английском тексте сюда мы относим собственно побудительные высказывания, передаваемые вопросительными конструкциями с модальным глаголом: «*Can you still make this confession <...>?*» / Вы все еще **можете** сделать это признание? [6]

• эмфатические конструкции, служащие для эмоционально-экспрессивного выделения какого-либо значимого элемента высказывания или его смысловых оттенков. Для этого в текстах обеих проповедей активно используются:

– обратный порядок слов: «*А ведь дает нам Слово Божие назидание*» [4], «*Nor is the gospel message just a remedy for death, as if we can be so heavenly oriented that we are no earthly good*» / Евангелие

---

¹ По А. П. Сковородникову, эмоционально-выразительная функция реализуется, когда парцелляция служит средством усиления эмоциональности высказывания или, не выражая конкретной эмоции, содержит в себе оценочный компонент.

не просто средство от смерти, как будто мы можем быть столь приближенны к небу, что уже не принадлежим земной жизни[6];

– усилительные конструкции: «Мы сегодня слышим отголоски той трагедии, забывая о том – а платит, кто будет?» [4] – эмпфаза создается разбиением простого вопросительного предложения запятой и интонационно паузой с перемещением акцента на инфинитивную форму будущего сложного времени. «*The Bible **does** offer an all-embracing comfort to our troubled world*» / Библия, **несомненно**, предлагает всеобъемлющее утешение нашему бренному миру [6] – эмфатическое оформление предложения обеспечивается типичным для англоязычных коммуникативных текстов усилительным словом *do/does*.

Как видим, для достижения коммуникативно-прагматической цели воздействия в текстах проповедей выстраивается определенная композиционно-стратегическая схема, реализуемая с помощью разнообразных лингвистических средств. Эти структурно-языковые приемы ориентированы на реконструкцию актуальных концептов в сознании реципиента и их реализацию через соответствующее вербальное и невербальное поведение.

Вербальное действие обеспечивают языковые паттерны текста проповеди, раскрывающие концептуальные единицы [5]. Использование языковых паттернов заключается в многочисленных повторах составляющих их смысловое наполнение лексико-семантических компонентов, а также в разнообразных лингвистических приемах их эмоционального выражения. Так, в проповеди В. Ермакова повторы конструкций «*Вот эти насильники земли — они получили все для себя по полной программе житейского бытия*», «*А ведь получите по полной программе*», «*<...>мы получили все зло по полнейшей программе*», «*Но придется за все дать ответ*», «*За все надо платить*» выявляет концепт «**Возмездие**», и в конце проповеди он получает уже эксплицитное утверждение – «*Трудно нести закон **возмездия**, а покопаться в прошлом, откуда что пришло — нет у нас желания*» [4].

В англоязычном протестантском тексте также в результате многократных упоминаний паттернов «*We need / it seems futile to speak of comfort*», «*What is your only comfort in life and in death?*» и

т. д. и т. п. передается концепт «*Comfort*»/ «*Утешение*». Лексико-семантические компоненты значения единицы «*Comfort*», обусловленные тематико-интенциональной направленностью проповеди, интенсифицируют смысловое выражение концепта: «*need of comfort*» / *потребность в утешении*, «*an all-embracing comfort*» / *всеобъемлющее утешение*, «*the Bible description of comfort*» / *библейское описание утешения* и др. [6].

Сильный эффект производит употребление омоформов, создающих просодическое и смысловое благозвучие: «<...> *the God of all comforts, who comforts us in all of our troubles*» / *Бог всех удобств, кто утешит нас во всех наших бедах*¹ [Там же].

Таким образом, основная, коммуникативно-прагматическая, цель проповеднических текстов состоит, с одной стороны, в формировании у адресата (через сообщение/разъяснение/внушение определенной максимы христианского вероучения) необходимых отправителю религиозных установок (концептов), поведенческих моделей и побуждении слушателей к соответствующему ответному действию в религиозной и внерелигиозной сферах жизни – с другой.

Список литературы

1. Агеева Г. А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации (на материале современных немецкоязычных проповедей): автореф. ... дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Иркутск, 1998.

2. Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй. – М.: Изд-во «Прометей», 2011.

3. Боженкова Р. К. Понимание текста в аспекте лингвокультурологии. – Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015.

4. Проповеди протоиерея Василия Ермакова [Электронный ресурс]. – URL: <http://azbyka.ru/propovedi/propovedi-protiiereya-vasiliya-ermakova.shtml#n1> (дата обращения: 22.01.2016).

5. Bozhenkova R. K., Bozhenkova N. A., Atanova D. V. Verbal functioning of the religious discourse: sacral features of the church sla-

¹ Так как морфологическая устроенность русского и английского языков в данном случае не создает тождества лексического выражения, русский перевод не производит подобного эффекта.

vonian language // Journal of Language and Literature. – 2015. – Vol. 6, No. 4. – November. – P. 377-379.

6. John H. Noordhof. Sermon “My only comfort” [Electronic resource]. – URL: <https://www.crcna.org/resources/church-resources/reading-sermons/my-only-comfort> (date of the address: 22.01.2016).

УДК 81'373.6

И. А. Диневич, Ю. А. Полхова, Л. С. Ковалева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЭТИМОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЗООНИМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «КОРОВА» В СВЕТЕ ДРЕВНЕЙ ЯЗЫЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ

В данной статье предлагается рассмотрение этимологии индоевропейских зоонимов со значением «корова» в свете древней языческой символики.

Ключевые слова: этимология, зооним, языческая символика, индоевропейский язык, мифология.

Зооним – лингвистическое терминологическое обозначение лексических единиц, объединенных понятием «животное» [4, с.12]. Лексемы, являющиеся обозначениями животных, неоднократно привлекали внимание лингвистов; различные аспекты изучения зоонимов исследовались в работах О. Н. Трубочева [8], Л. Ф. Миронюк [4], В. В. Иванова [1] и других лингвистов. Однако особый интерес у исследователей всегда вызывала именно этимологизация зоонимов, поскольку животные с древнейших времен считались Богами-творцами, прародителями-тотемами людей (латинское *deus* «бог», но готское *dius* «животное», «зверь»).

Следует отметить, что при генезисе названий животных в индоевропейских языках основанием являлась функция данного объекта в том виде, как она осмысливалась в рамках культуры архаического общества, а не внешний признак или группа признаков объектов номинации. В связи с этим для этимологизации зоонимов

обычно исходят из так называемой «множественной» этимологии, согласно которой для древнего термина характерно несколько этимологических решений [7, с. 114]. Такой подход к этимологизации зоонимов обусловлен тем, что для одного и того же животного может быть характерна множественность символики, поскольку в различных языческих традициях древние люди соотносили одни и те же явления и предметы действительности с разными животными. В результате этого в этимологии конкретной лексической единицы, обозначающей животное, допускается множество семантических связей.

На наш взгляд, интересным для рассмотрения представляется происхождение слова *корова*.

Исторически во всех славянских языках общим названием животного является *govedo* (ср. старославянский *говѣждь*, древнерусский *говядо*, болгарский *гавяда*, чешский *hovado* и т. д.) [9, с. 431]. Эта лексема этимологически связана с индоевропейским **g(so)ou* «крупный рогатый скот». Однако употребление этой формы значительно сократилось в связи с выдвижением новой, специфически женской, формы *korwā*, которая тоже имеет свои собственные индоевропейские связи. Славянское *korva* – термин молочного хозяйства по преимуществу. Он происходит от индоевропейского **kor* «рог» и является родственным латинскому *cervus* «олень» [8, с. 36]. Общность названия объясняется распространением и одомашниванием индоевропейцами новой породы дойных коров, которая, благодаря своим длинным рогам, имела внешнее сходство с оленем. Таким образом, русское слово *корова* напрямую связано с использованием этого животного индоевропейцами в хозяйственной функции.

Однако есть целый ряд индоевропейских корней, так или иначе имеющих семантические связи с современными зоонимами со значением крупного рогатого скота, которые в русском языке не отражены. Проанализируем некоторые из них.

Поскольку, согласно древним представлениям, как вода, так и звук плетутся (плетение вод и плетение звука), можно считать, что первым элементом рассматриваемого слова является индоевропей-

ское *uer «издавать звуки» (звук в древности приравнивался к божеству).

Сравните:

- тохарское *A rape* «музыка»;
- немецкое диалектное *Rier* «скот»;
- индоевропейское *uer «издавать звуки»;
- латинское *vacca* «корова»;
- ирландское *ferb* «скот»;
- латинское *verbum* «слово».

Согласно некоторым языческим символикам, корова – солярное животное, символ Божества, Космоса и Неба. В связи с этим представлением корова (английское *cow*) нередко отождествлялась и с небом (ср. английское *sky* «небо»). Вместе с тем интересно сопоставить:

- древнеанглийское *heah-fore* «молодая корова»;
- английское диалектное *higgs* «белые кучевые облака»;
- шведское *moln* «облако»;
- древне-северное *mali* «мелкий рогатый скот»;
- индоевропейское *sneudh «облако»;
- индоевропейское *neud «скот» [3, с. 205].

Архетипы языческой небесной коровы были зафиксированы в образах устного народного творчества. Так, древний в основе своей доиндоевропейский образ волшебной коровы пронизывает весь русский сказочный фольклор. В концентрированной форме он отразился в сказке о Крошечке-Хаврошечке, где чудесная корова – помощница преследуемой девушки – гибнет в результате злых козней, из ее костей вырастает волшебная яблоня с серебряными ветвями и золотыми листьями (в русской сказке лишь в этом отдаленный намек на космические цвета — солнечно-золотой и серебряно-лунный).

В большинстве языческих традиций корова не только отождествляется с небом, но и воспринимается как прародительница всего живого, тесно связывается с возникновением жизни на земле и сама обладает божественным происхождением. Исходя из этого, значение «корова» может тесно соотноситься со значением «божество».

Сравните:

- албанское *hyi, hyen* «бог»;
- английское диалектное *kye* «корова»;
- норв. диал. *bagg* «теленоч» и русск. «бог»;
- тохарское В *nakte* «бог»;
- тохарское А *nk ät* «бог»;
- древнеанглийское *neat* «скот».

По поверьям древних, небожитель – это объект поклонения, к которому обращались с молитвой. В связи с этим понятие *корова* тесно соотносится со значением слов «вера», «верить». Например, в языческих традициях скандинавских племен было принято обращаться в молитвах к корове. Скандинавы верили, что эти молитвы могут привлечь в свой дом достаток и личное счастье [2, с. 77]. Следы этого древнего поверья можно обнаружить в языках германской группы. Так, английское слово *true* «верный» может соотноситься со значением «рогатый скот». В этой связи можно сравнить латинское *taurus* «бык», латышское *versis* «бык» и латинское *versus* «правдивый». Форма древневерхненемецкого глагола *gilouban* «верить» является родственной латышскому существительному *luops* «скот» и албанскому *lope* «корова».

Другой отличительной характеристикой, приписываемой корове, является ее священность. Так, в праиндоевропейском языке слова **alkos* «святилище, храм» и **alkis* «корова, парнонопытное животное» считались однокоренными. В этой связи интересно рассмотреть следующие соответствия:

- латинское *vacca* «корова»;
- готское *weihs* «святой»;
- ирландское *erb* «корова»;
- армянское *surb* «святой».

Следы подобного почитания можно найти в языческих традициях Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима, а в Индии это животное считается священным и по сей день.

Поскольку жертвоприношение было одной из главнейших форм языческого культа, используемых для общения с божеством, искупления вины, изгнания злых сил и т. д., корень того же глагола *gilouban* фонетически связан с общеиндоевропейским корнем **lub*

(гнуть, вязать, связывать, к примеру, животное перед жертвоприношением) [6]. Это позволяет, с одной стороны, сопоставить следующие лексемы:

- древневерхненемецкое *gi-louban* «верить»;
- латышское *loups* «скот»;
- латинское *credere* «верить»;
- древнеанглийское *hrider* «скот»;
- латинское *fides* «вера»;
- литовское *banda* «скот».

С другой стороны, понятие *коровы* соотносится с понятием *чудодейственной силы*, связанной с источником злых чар, колдовства (у некоторых народов считается, что корова может быть предзнаменованием болезни или даже смерти). При сравнении языческих символов различных народов можно наблюдать, что ведьма – это позднейшая модификация древнего языческого зооморфного божества, почитаемого в образе козы или коровы. Следы подобного почитания мы находим повсюду, везде у индоевропейских народов существуют божества с рогами и копытами: в Греции (Пан, Дионис, Сатиры, Силен), в Риме (Фавн и Фавна, Сильван и Сильвана), в России (леший и лешиха, лисун и лисунка) и т. д. Анализируя устное народное творчество, можно выделить определенный ряд, подтверждающий связь коровы с ведьмой. Например, в русских и немецких сказках ведьмы постоянно обращаются в коров и коз, часто имеют рога и всегда – хвост. По немецким поверьям, после Вальпургиевой ночи там, где плясали ведьмы, утром можно было видеть многочисленные коровьи и козлиные следы. Интересна в этом плане одна из русских загадок: «Стоит яга, во лбу рога» [5, с. 236–238].

Интересно, что у некоторых народов корова связывалась с идеей жизненного тепла, а в индоевропейском языке корень **gou*, к которому восходит общеславянское *govedo*, означал главные силы природы – небо, землю и солнечные лучи. Многие народы мира поклонялись золотому тельцу – воплощению земного блага и богатства, а в Древнем Египте Богиня неба почиталась в качестве божественной коровы, родившей солнце. Следы подобного почитания можно обнаружить в народном творчестве, где Богиня неба изоб-

ражалась в виде женщины с рогами коровы и солнечным диском на голове. В славянских традициях молоко коровы противопоставлено небесному огню, считалось, что пожар от молнии можно погасить только с помощью молока черной коровы.

Таким образом, латышское *liōps* «скот» этимологически может восходить к индоевропейскому **lep-* «гореть», а древневерхненемецкое *wahan* «гореть», древнеиндийское *ahi* «корова», индоевропейское **ag-* «гореть» могут быть родственными русскому диалектному *алынья* «корова». Здесь важно отметить, что некоторые этимологи происхождения русского слова «корова» также связывают со значением огня и солнца. Считается, что данная лексема является однокоренной слову «корочун», означавшему в прошлом зимнее солнцестояние, после чего зима поворачивала к лету. Таким образом, в связке «корова» – «корочун» значение солнца присутствует хотя и в закодированном, но прямом смысле.

Корова также часто соотносится с символом плодородия и достатка. Символический архетип коровы-кормилицы, коровы-прародительницы имеет глубокие корни. В ведической литературе корова – персонификация как неба, так и земли. Ее молоко проливается в виде плодоносного дождя. Эта связь отражена в многочисленных метафорах ведийской поэзии и в этимологии древнеирландского *duan* («песня, стих»), восходящего к тому же корню, что и *duha* (древнеиндийское «удача»). В «Ригведе», гомеровском эпосе и латинском языке это слово имеет два значения: вымя и плодородие (древнеиндийские веды *udhar*, греческий *ούθαρ* у Гомера, латинское *uber*). У индусов корова – священное животное, символизирующее плодovitость, изобилие, землю. В древнеиндийском *gáuh* (корова) понимается прежде всего как «дойное животное, дающее сладкое, жирное молоко», несмотря на то, что в индийской мифологии известна корова *Kama-duha*, исполняющая любые желания [1, с. 567], лексема *duha* соответствует имени греческой богини Случая (Удачи), первоначально, вполне возможно, также обозначавшей корову, исполняющую желания.

У носителей английского языка корова – символ плодородия, символ сытости и достатка. Недаром во многих индоевропейских языках корова соотносится с понятием богатства:

- русское *скот*;
- немецкое *Schatz* «богатство»;
- готское *Skatts* «скот»;
- литовское *Lobis* «богатство»;
- индоевропейское **ei-gehen* «движущееся богатство», «скот»;
- индоевропейское **gʷious-* «крупный рогатый скот»;
- латышское *luops* «скот, богатство», *luops* «скот»;
- немецкое диалектное *Rier* «рогатый скот», *Raup* «годовалый скот»;
- древнерусское *рубль* «отрубок, кусок» [3].

Корова на протяжении тысячелетий занимала центральное место у скотоводческих народов всего мира. И даже сейчас, на заре нового тысячелетия, во многих африканских племенах корова является главным символом богатства и состоятельности.

Таким образом, в различных языческих традициях образ коровы связывался с самыми разнообразными явлениями окружающей действительности. Среди наиболее распространенных характеристик, приписываемых корове, можно выделить ее божественность, священность, связь с чудодейственной силой, плодородие. Уже в индоевропейскую эпоху эти образы начинают становиться атрибутами поэтической и древней культовой речи, что отражено в соответствующих литературных, мифологических и обрядовых традициях.

Список литературы

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984 – Т. II.
2. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М.: Изд-во «Наука», 1986. – 204 с.
3. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996. – 416 с.
4. Миронюк Л. Ф. Семантическая типология славянских зооморфических глаголов. – Днепрпетровск, 1987. – 80 с.
5. Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 480 с.

6. Покорный Ю. Индоевропейский этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-rokonny/>.

7. Топоров В. Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – 205 с.

8. Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 116 с.

9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – Т. I. – 624 с.

УДК 81'4

Г. Л. Загорулько

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ТРОПЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭМОТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. ФУНКЕ «ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»)

Статья посвящена описанию особенностей тропеических средств как приемов эмоционального воздействия.

Ключевые слова: троп, метафора, сравнение, олицетворение, эмоция.

Тропы (от греч. tropos – поворот, оборот речи) – стилистический прием, заключающийся в употреблении слова (словосочетания, предложения) не в прямом, а в переносном значении, т. е. в использовании слов (словосочетаний и предложений), называющих один объект (предмет, явление, свойство) для обозначения другого объекта, связанного с первым тем или иным смысловым отношением. Это могут быть отношения сходства, и тогда мы имеем дело с метафорой, сравнением, олицетворением; отношения контраста, как в оксюморе и антифразисе; отношения смежности, как в метонимии; или же отношения, носящие количественный (а не качественный) характер и выраженные с помощью синекдохи, гиперболы и мейозиса [1].

В лингвистической литературе исследование тропов представлено довольно широко. Их изучением занимались такие блестящие лингвисты, как М. Л. Гаспаров, Р. Якобсон, А. А. Горнфельд, М. Петровский, Г. Г. Хазагеров, М. И. Панов, В. Н. Топоров и др. И хотя данная тема достаточно изучена, среди языковедов до сегодняшнего дня нет единодушия относительно того, какие средства относить к тропам. Вместе с тем в том, что они служат для усиления изобразительности и выразительности речи, создания образности, передачи оценочного и эмоционально-экспрессивного значений, солидарны все.

Известно, что эмоциональная, экспрессивная речь воспринимается быстрее, доставляет эстетическое удовольствие, находит более глубокий отклик, лучше сохраняется в памяти. И именно тропы, на наш взгляд, занимают ключевое место в достижении конечной цели эмоционального воздействия.

Рассмотрим тропы как средства выражения эмоциональности на материале романа К. Функе «Чернильная кровь». Но прежде отметим, что эмоции, согласно классификации, предложенной Е. П. Ильиным, делятся на следующие группы:

1) эмоции ожидания и прогноза (волнение, тревога, страх, отчаяние);

2) удовлетворение и радость;

3) фрустрационные эмоции (обида, разочарование, досада, гнев, исступление, печаль, уныние, одиночество, тоска, ностальгия, горе);

4) коммуникативные эмоции (веселье, смущение, стыд, вина как отражение совести, презрение);

5) интеллектуальные «эмоции», или аффективно-когнитивные комплексы (удивление, интерес, «чувство» юмора, эмоция догадки, «чувство» уверенности – неуверенности (сомнения)) [2].

В исследуемом нами произведении наиболее ярко представлены эмоции первой и третьей групп, причем доминируют эмоции ожидания и прогноза (1 группа).

Весь роман «Чернильное сердце» пронизан лексикой мрачного, угнетающего характера. С целью усиления тревоги, страха К. Функе применяет излюбленный ею троп – гиперболу (художественно-выразительное преувеличение).

ственное преувеличение), что хорошо прослеживается в следующих примерах:

„Die Nacht drang herein, dunkel und feucht, und das Rauschen des Regens klang **bedrohlich laut**. / В дом проникла ночь, темная и сырая, а шум дождя был **угрожающе громким**.

„Wieder dauerte es **schmerzhaft lange**, bis es ihre klaren Buchstaben entziffert hatte.“ / Это длилось **опять смертельно долго...**

„(...) dann wäre ich jetzt **mausetot**.“ /... я была **мертва как мышь**.

Использование олицетворения также помогает автору добиться эффекта тайны, недосказанности, волнения.

„Doch schließlich war er fort und nur der **Regen trommelte immer noch mit nassen Fingern** gegen Meggies Fenster.“ / **Наконец-то он ушел, и только дождь все барабанил мокрыми пальцами по окну Мегги**.

„Nur der Regen fiel, wispernd und flüsternd, **als habe die Nacht plötzlich eine Stimme bekommen**.“ / **Шел дождь, морозящий и шепчущий, как будто у ночи вдруг появился голос**.

Данные примеры свидетельствуют о тревожном внутреннем состоянии Мегги. Она настолько беспокоится за своего отца, что не может уснуть. Олицетворение способствует передаче чувств главной героини, подчеркивает ее эмоциональное переживание.

Одним из ведущих тропов, позволяющим привлечь внимание читателя к наиболее существенным деталям, создать сложные психологические портреты персонажей, ознакомить с богатым миром эмоций, присущих героям романа, является метафора.

„(...), deshalb hatte sie ihm vor ein paar Jahren ein Schild für seine Werkstatt gebastelt, auf dem Mortimer Folchart, **Bücherarzt stand**. Und dieser Bücherarzt fuhr nie ohne seine Tochter zu seinen **Patienten**. /...поэтому она пару лет назад смастерила на дверь его мастерской табличку, на которой было написано: «Мортимер Фолхарт, **книжный врач**». И этот книжный врач никогда не выезжал к своим **пациентам** без дочери.

В следующем предложении сравнение также дает возможность раскрыть внутреннюю сущность Мо, показать его бережное отношение к книгам.

„*Ganz vorsichtig hielt er es, wie einen Vogel, der sich den Flügel gebrochen hatte.*“ / Он держал ее (книгу) очень осторожно, как птицу, у которой было сломано крыло.

Читатель симпатизирует Мортимеру Фолхарту, наделенному удивительной способностью переносить в реальный мир персонажей книг, сопереживает, сочувствует главному герою. И в то же время на протяжении всего повествования читателя не отпускает чувство ненависти, отвращения к Каприкорну и его слугам.

„*Sie kleiden sich gern schwarz wie die Saatkrähen.*“ / Они одеваются во все **черное, словно грачи.**

Мотив черноты также коррелирует с соответствующим отношением к отрицательным персонажам, с общей атмосферой произведения – мрачной, пугающей. Как мы видим, сравнение является действенным средством, способным представлять определенную позицию автора, негативную характеристику действующих лиц, в данном случае. Таким образом, здесь четко проявляются фрустрационные эмоции.

Кроме того, в романе демонстрируется сильная любовь главных героев: отца и дочери, отца и матери. Персонажи совершают невероятные поступки, чтобы доказать справедливость, помочь попавшим в беду.

«*Er wird bald ganz freiwillig hier hereinstolpern! Wir haben doch alle gesehen, mit was für einer **Affenliebe** er an dem Gör hängt.*“ / Он скоро сам сюда прибежит. Мы ведь все видели, как он обожает девочку.

Для выражения чрезмерной любви главного героя к Мегги используется метафора **Affenliebe**.

Все выделенные в произведении тропы создают экспрессивно-эмотивное усиление выражаемой информации, имплицитно фокусируя внимание читателя на определенных фразах текста и многократно увеличивая тем самым потенцию иллюкативной силы произведения в целом [3].

Список литературы

1. Клинг О. А. Тропы. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия, термины [Электронный ресурс]. – URL: [https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Ftaviak.ru%](https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Ftaviak.ru%2F)

2Fdistance%2Fwp-content%2Fuploads%2F2014%2Fobshcheobrazovatelnye_distipliny%2FLiteratura%2FChernec.pdf&name=Chernec.pdf&lang=ru&c=5762b9dca57b&page=3.

2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001.

3. Боженкова Н. А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования. – М.: РУДН, 1998. – 258 с.

4. Боженкова Н. А., Загорулько Г. Л. О некоторых особенностях передачи антропонимов с немецкого на русский язык на материале К. Функе «Чернильная кровь» // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: матер. I Междунар. конф. школьников, студентов и аспирантов / редкол.: Р. К. Боженкова (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2010. – С. 57–61.

5. Cornelia Funke. Tintenherz [Электронный ресурс]. – URL: <http://mreadz.com/read125174>.

УДК 81'342.4

Т. Е. Мирзаева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЭТНОМЕТОДИКА КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В работе представлено описание этноориентированной методики обучения иностранным языкам как современной эффективной модели передачи знаний о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка; формирования навыков коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации; совершенствования умения вербального и невербального поведения.

Ключевые слова: этнометодика, этнолингвистика, лингводидактика, модель обучения.

Этноориентированная методика (или этнометодика, как называет такую модель обучения РКИ Т. М. Балыхина [1]) – новое направление в методической науке, предполагающее опору в обуче-

нии на сильные стороны психики этноса, на его лингвокультурные традиции, что позволяет оптимизировать овладение иностранным языком, сделать процесс обучения адекватным и эффективным.

Этноориентированная методика предполагает расширение границ некогда ведущего коммуникативного подхода к обучению иностранному языку посредством введения этнокультурного компонента в содержание обучения, поскольку очевидно, что трудности, возникающие при взаимодействии носителей различных культур, потеря контакта или желания общаться зачастую вызываются не только недостаточным уровнем овладения лингвистической компетенцией, но и нередко различиями в этнокультурном восприятии мира [4]. Понимание поступка и высказывания человека другой культуры требует выхода за рамки чисто вербального или поведенческого текста и рассмотрения в широком контексте представлений и стереотипов обыденного житейского сознания, присутствующих человеку этой культуры [5].

Этнокультурный компонент – та основа, на базе которой формируются знания о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка; знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации; навыки и умения вербального и невербального поведения. Этнокультурный компонент входит в содержание национальной языковой культуры – совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, объективирующих специфику культуры, поскольку с позиций этноориентированной методики обучения иностранным языкам включение компонентов языковой культуры, образцов народного художественного творчества в образовательную практику является способом приобщения к культуре других этносов и межкультурному диалогу, оказывающему прямое и опосредованное влияние на формирование личности студента и процесс его интеграции в общество и культуру не только страны изучаемого иностранного языка, но и в мировое социокультурное пространство.

К основным компонентам языковой культуры, выражающим ее педагогический потенциал и несущим национально-специфическую окраску, по мнению Т. М. Балыхиной, относятся:

1) *традиции* (исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение элементы социального и культурного наследия, сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени) [7, с. 1522], *обряды* (различные обязательные действия, установленные церковью, но не имеющие значения таинства, а также действия, совершаемые в различных ситуациях жизни, которые освящены только обычаем) [3, с. 433], *обычаи* (устоявшиеся, традиционные модели поведения, которые со временем могли утратить свой первоначальный практический смысл [Там же. С. 478]. Обычаи нередко выступают в роли интегрирующего элемента общества и зачастую воспринимаются людьми как нечто само собой разумеющееся);

2) *традиционная культура*, обозначающая черты этнической специфической культуры, имеющая безавторское происхождение, воспринимаемая как нечто искони существующее и передаваемая путем устной и невербальной коммуникации [8, с. 217] и отражающая культурные традиции определенного этноса;

3) *бытовая культура*, тесно связанная с традициями народа, таящими в себе богатство словесной выразительности, способствует духовному, нравственному формированию личности на базе тех достижений, которые были приобретены народом и человечеством в целом. Основа и корни культурных достижений всегда народны и всегда питались от народных корней;

4) *языковая картина мира*, выражающая определенную специфику мировоззрения, систему ценностей, представлений о жизнедеятельности человека, интерпретаций окружающей действительности посредством лингвистической формы.

В педагогической науке языковая картина мира понимается как «определенное в языке мировоззрение, идеология, система ценностей», как лингвистическая форма представлений о жизнедеятельности человека и интерпретаций окружающей действительности. Очевидно, что в каждом языке содержится богатейшая информация о системе ценностей определенного народа. Особая роль в этом плане принадлежит особенностям видения и «прочтения» мира тем или иным народом, а также лексико-семантическому слою, в котором смысловые и ценностные параметры модели мира выра-

жены как эксплицитно, так и имплицитно (*эксплицитность* – явно, открыто выраженный; противоположность – *имплицитность*). Именно в слове, в его структурных и лексико-фразеологических связях аккумулируются особенности мировосприятия, жизненных ценностей, исторического опыта и генетической памяти того или иного языкового коллектива.

Безусловно, национальная языковая культура, как совокупность объективных образов той или иной культуры, обладает мощным этнопедагогическим потенциалом и выполняет следующие функции [6]:

- воспитательно-образовательную (реализуется через развитие личности человека);
- коммуникативную (с помощью которой происходит передача информации между поколениями, обеспечивающей этнокультурную интегрированность);
- гносеологическую (дающую человеку возможность создания картины мира, обогащающую его кругозор и т. д.);
- инкультурационную (способствующую развитию человека посредством усвоения им культурных ценностей, норм и правил);
- инструментальную (обеспечивающую создание и преобразование окружающей среды, этнокультурного пространства);
- сигнификативную или знаковую (содействующую формированию названий, благодаря которым человек совершает умственные и эмоциональные действия);
- нормативную (с помощью которой создается система средств организации коллективной жизни) и др.

Получается, что этнокультурный компонент, как неотъемлемая часть национальной языковой культуры, предполагает не только усвоение культурологических знаний (фактов культуры), но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны [2], т. е. способствует формированию этнокультурной компетентности.

В целом под этнокультурной компетентностью понимается свойство личности, выражающееся в совокупности объективных представлений о той или иной этнокультуре, реализующейся через

знания, навыки, умения и модели поведения, способствующие эффективному межкультурному взаимопониманию и взаимодействию для достижения целей:

а) *познавательной* (изучение иностранного языка является образовательным процессом, содержание которого – культура страны изучаемого языка; основа обучения – диалог культур как сопоставление фактов из области художественного творчества и образа жизни носителей языка);

б) *воспитательной* (выявление общих нравственных ориентиров в жизни различных этносов и существующих между ними различий);

в) *развивающей* (формирование у обучающихся мотивации к изучению иностранного языка и культурам обеих стран);

г) *учебной* (формирование коммуникативной и этнокультурной компетенции с опорой на родной язык обучающихся) и др.

Этнокультурная компетентность включает в себя знания о стране изучаемого языка (ее культуре, традициях, национальных обычаях), способность извлекать из единиц языка соответствующую информацию и пользоваться ею в различных ситуациях общения и подразумевает знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользоваться такими знаниями в процессе общения. В настоящее время термин «этнокультурная компетентность» служит показателем правильности речи не только с точки зрения норм изучаемого языка, но и с точки зрения культурного контекста на основе сравнения разных культур.

Учет этнокультурного аспекта на занятиях иностранного языка позволяет оптимизировать овладение иностранным языком, сделать процесс обучения адекватным и эффективным, поскольку этнокультурные основы содержания обучения призваны:

– продемонстрировать студентам плюрализм культур и важность умения ориентироваться в этнокультурном и многоязычном пространстве;

– создавать предпосылки для успешной межкультурной коммуникации при знакомстве обучающихся с условиями жизни и культурными традициями других народов;

– способствовать осознанию общечеловеческих правил, норм и ценностей;

– посредством коммуникативных умений (т. е. умения использовать немецкий язык как средство коммуникации в различных сферах и ситуациях) развивать социальную активность молодых людей;

– обращать внимание на глобальную ответственность человечества за будущее и т. п.

Этноориентированное обучение иностранному языку, таким образом, призвано помочь сформировать у обучающегося интерес к чужой культуре, иному образу жизни и иерархии ценностей, способность уважать другие народы и культуры, умение сопоставлять культуру своего народа с культурой других стран и общаться с представителями других народов, а также осознавать себя как носителя определенных социокультурных взглядов гражданина страны, члена мирового сообщества.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что этноориентированная направленность обучения способствует формированию этнокультурной компетентности, межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях по иностранному языку, предоставляет возможность осознанно, с опорой на научные лингводидактические и лингвострановедческие положения реализовывать на практике современные актуальные задачи в области преподавания иностранных языков, основными из которых являются изучение и практическое применение системы этнокультурных единиц в условиях естественного бытования языка и культуры.

Особо обратим внимание на то, что немаловажная роль в решении вопроса формирования этнической культуры обучающегося принадлежит образовательной среде, ее этнокультурному потенциалу, оказывающему прямое и опосредованное влияние на формирование личности студента и процесс его интеграции в общество и культуру страны изучаемого иностранного языка.

Список литературы

1. Балыхина Т. М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: монография – М.: РУДН, 2010. – 344 с.
2. Боженкова Р. К., Боженкова Н. А., Мирзаева Т. Е. Этнопсихолингвистические особенности восприятия словесной просодии в русском и китайском языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2015. – № 3. – С. 23–26.
3. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
4. Мирзаева Т. Е., Мирзаева Н. Ф. Этнопсихолингвистические особенности изучения словесной просодии в русском и китайском языках: к постановке проблемы // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР: матер. Междунар. форума (Владивосток, 12-17 октября 2015 года) / отв. ред.: Н. С. Милянчук, Н. Б. Кожина. – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2016. – С. 253–256.
5. Мирзаева Т. Е. Влияние супraseгментной организации китайского языка на формирование некоторых особенностей этнокультурного поведения его носителей: лингводидактический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2015. – № 4. – С. 11–15.
6. Невмержицкая Е. В. Педагогический потенциал языковой культуры: сущность и этнопедагогические функции: монография. – М.: Граница, 2009. – 110 с.
7. Первый толковый БЭС (большой энциклопедический словарь). – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2006. – 2144 с.
8. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Черношек. – М.: Норма, 2008. – 608 с.

УДК 81'22

Ж. А. Мукабенова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

КОЛОРЕМА ОРАНЖЕВЫЙ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Статья представляет собой описание национально маркированного функционирования цветолексики как средства интерпретации окружающей действительности.

Ключевые слова: знак, политический символ, цветолексема.

Издrevле человек предпринимал попытки интерпретировать информацию об окружающем мире, содержащуюся в конкретных знаках. Важность понимания того, как принципиально устроен знак, из каких компонентов он строится, может быть оценена в сравнении с важностью понимания базовых структур вещества в естественных науках. Так, для физики принципиально понимание того, как устроен атом, для химии – как устроена молекула, для биологии – какова структура клетки и др.

Текст, будучи сложной знаковой единицей, построен из простых знаков. Простые же знаки в свою очередь также имеют внутреннюю двустороннюю структуру: план выражения, или означающее, – ту материальную величину, в которой воплощаются культура и история, и план содержания, или означаемое, – тот духовный опыт, в свете которого мы воспринимаем, переживаем и понимаем означающее. Таким образом, знак есть результат взаимодействия означающего и означаемого, который раскрывает культурно-исторический – объективный, фактический и в то же время человечески пережитый – смысл изучаемого явления [5].

Собственно структура знака определяет его основные свойства, в которых запечатлены возможности познания окружающего мира. Свойство первое состоит в том, что знак возникает и первое время функционирует в рамках ограниченной социокультурной группы (например, символ партии «Единая Россия»). Второе свой-

ство знака состоит в способности быть датированным, обнаруживать связь с определенной исторической эпохой, временем и читаться через ассоциации с ними (например, триколор при обозначении постперестроечных событий в России). Третье свойство знака состоит в том, что общественный и культурный опыт, на основе которого человек переживает знак, постоянно меняется, меняются события, атмосфера жизни, видение действительности, меняется означаемое, а значит – и сам знак. Он «существует в ярко выраженной динамике, ибо благодаря течению времени (истории) отношение между содержанием и формой непрерывно обновляется» [1, с. 67]. Человек «вслушивается в естественный голос культуры и все время слышит в ней не столько звучание устойчивых, законченных «истинных» смыслов, сколько вибрацию той гигантской машины, каковую являет собой человечество, находящееся в процессе неустанного созидания смысла» [Там же. С. 69].

Важнейшим, с нашей точки зрения, знаком, обладающим всеми названными свойствами, является цвет, поскольку во всех проявлениях цвет имеет практически неограниченные семиотические возможности в способах передачи информации (90% существенных признаков, соответствующих обозначаемым явлениям, человек получает при помощи зрения). Исследования взаимосвязи генезиса семиотических систем и сенсорных каналов (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), осуществляющих восприятие, показывают, что зрение – визуальный канал – является ведущим анализатором, который интерпретирует «означающее» знаков: естественных (жесты, интонация, поведение, одежда, этикет, искусство), искусственных (математическая символика, цвет на географической карте и на знаках дорожного движения), биологических (языки животных, их защитная окраска) [2].

В связи с изложенным следует подчеркнуть особую роль цветолексики как знаковой системы, которая не только помогает зрительно интерпретировать символическое значение цвета, но и даёт возможность понимать различные процессы, не поддающиеся прямому наблюдению (например, процессы, происходящие в сознании общества на разных этапах исторического развития – изменения в политическом строе, экономике, духовной жизни людей). Тем са-

мым цветолексема является носителем информации, которую можно выразить в концентрированном знаковом виде – плакате, лозунге, формуле, символе.

Это свойство цвета активно используется в политике. Обращение к цвету как способу внедрения в сознание определенных идей, понятий, норм и ценностей практикуется с древнейших времен: политические лидеры обращались к такой символике в кризисные, переходные эпохи – во времена войн, переворотов, революций. При этом выбор того или иного цветосимвола для успешного функционирования в политической среде обусловлен рядом значимых факторов: это, прежде всего, визуальная узнаваемость; его способность воздействовать на эмоционально-бессознательную составляющую человеческой психики, тем самым объединять людей в социальные общности под эгидой эмотивно окрашенных лозунгов, ориентировать людей к конкретному политическому выбору и, как следствие, к желаемым социально-политическим поступкам. Правильно выбранная политическая символика становится эффективным средством регуляции политического поведения людей. Показателен в этом отношении пример успешных/неуспешных Оранжевых (цветных) революций на постсоветском пространстве (Грузия, 2003; Киргизия, 2005; Белоруссия, 2006; Армения, 2008; Молдавия, 2009; Киргизия, 2010 и др.).

Однако наиболее ярким манифестом Оранжевой революции было массовое противостояние политических элит на Украине в ноябре – декабре 2004 г., которое стало базисом современной позиции политического руководства Украины. Оранжевый цвет, воплотившись в цвет флагов, флажков, шарфиков, кофточек, шапок и т. д., стал центральным символом и отличительным знаком сторонников кандидата в президенты В. Ющенко [3]. Выбор оранжевого цвета в качестве символа сплочения электората не случаен: этот цвет, входящий в цветовую гамму национальных украинских костюмов, в силу своего внутреннего наполнения (плана содержания) способен влиять на коллективное бессознательное и тем самым обеспечивать уверенность избирателей в сохранении самобытности и единства народа. Сегодня *оранжевый* – не столько номинация

цвета апельсинов (*orange*), сколько термин, определяющий политические реалии разных стран в настоящее время.

Безусловно, для разных культур семантическая структура цветообозначения *оранжевый* содержит свои, только ей присущие компоненты значения, обусловленные языком, обрядами и традициями конкретного этноса. Так, например, в Китае *оранжевый* – цвет надежды и процветания, в Ирландии – символ протестантизма, это национальный цвет Нидерландов [4]. Однако наряду с этноментальными составляющими значения данной цветовой лексемы, существует общепринятое толкование этого цвета как цвета силы, неиссякаемой энергии, свободолюбия и терпимости [5]. Помимо того, *оранжевый* часто используется при создании цветового имиджа человека для присвоения ему роли кумира, который не обязательно могуч и добр, но обаятелен и пользуется всеобщим восхищением [3].

Таким образом, *оранжевый* цвет, обладая определенными смыслодержательными свойствами, является эффективным средством воздействия на этноментальном уровне и механизмом «коррекции поведения» населения в нужном для продуцента (политического лидера) социально-политическом направлении.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Боженкова Р. К, Калуга Л. В. Цветообозначение как лингвосемантическая трансляция этноментальной картины мира (на примере концепта красный) // Известия КурскГТУ. – 2008. – № 4 (25) – С. 116–120.
3. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. – М., 2004.
4. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
5. Панов Е. Н. Знаки, символы, языки. – М., 1980.
6. Тен Ю. П. Символы России и зарубежных государств. – М., 2008.

УДК 81.44

Г. В. Попова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ЛЮБОВНОГО РОМАНА)

В статье рассматриваются основные ценностные характеристики любовного романа как проводника массовой культуры.

Ключевые слова: любовный роман, массовая культура, глобализация, глобализация культуры.

Аксиология как наука, изучающая понятие «ценность», сформировалась относительно недавно (термин появился в работах французского философа П. Лапи в 1902 г.), однако вопросы, рассматриваемые этим философским направлением, поднимались еще с античных времен. Истоки аксиологии исследователи видят в сократовском вопросе ЧТО ЕСТЬ БЛАГО? Возникшее в античной философии понятие «БЛАГА» являлось своего рода предтечей современного понятия «ЦЕННОСТЬ». Во все времена понятие ценности считалось одной из важнейших категорий человеческого бытия.

Этот термин прошел длинный путь формирования и в наши дни функционирует в ряде сопрягающихся дисциплин, таких как философия, психология, культурология, социология и т. д. Дефиниции рассматриваемого понятия, как правило, лежат в одном русле: ценность предстает или как материальный предмет, имеющий какую-либо пользу и способный удовлетворить ту или иную потребность человека, или как некая духовная категория, идеал, за который человек готов бороться. Это «природные и культурные объекты, процессы, отношения, обладающие положительной значимостью для человека... В самом объекте ценности изначально не заложены, они возникают как результат отношения между человеком и объектом, в котором определяется положительное значение объекта для

человека и его окружения» [5]; «значимые универсальные цели и идеалы (нормы, стандарты) как человеческой деятельности в целом (Истина, Добро, Красота, Справедливость, Польза и др.), так и различных видов (ценности науки, экономики, морали, политики) [6].

Не менее важной категорией для нашего исследования является одна из сущностных характеристик современной реальности и первопричина многих социальных изменений – глобализация. Глобализация декларирует открытость современного общества постоянному воздействию факторов (по определению А. Тоффлера – «волн»), оказывающих радикальное воздействие на судьбу человечества в целом.

Следствием этого процесса является глобализация культуры, которая представляет собой «объективный процесс образования все более масштабной и многообразной системы связей между людьми и их сообществами, населяющими нашу планету» [1, с. 224].

Во многом способствовало процессу глобализации культуры интенсивное развитие информационных технологий. С помощью современных средств коммуникации создаются условия для того, чтобы культурные ценности становились общечеловеческим достоянием, образуя основу нового глобального культурного сознания.

Глобализация как процесс двойственный и противоречивый, с одной стороны, создает условия для продуктивного культурного обмена, с другой (как одно из следствий) – приводит к коренным изменениям в системе взаимоотношений между народной, элитарной и массовой культурой.

Феномен массовой культуры осмыслялся в многочисленных работах отечественных и западных культурологов и философов культуры (Х. Ортега-и-Гассет, Э. ван ден Хааг, В. Л. Глазычев, В. П. Шестаков, К. Ясперс, О. Шпенглер), которые пришли к выводу, что по основному носителю своих ценностей она коренным образом отличается от других типов культуры, прежде всего народной и элитарной.

Как писал немецкий философ Г. Маркузе, овладение высокой культурой предполагало освоение достаточно большого пласта знания, знакомство с ритуалами, выработанными на протяжении

столетий. «Высокая» культура, как пишет Г. Маркузе, «выражала ритм и содержание универсума, в котором равнины и леса, деревни и трактиры, представители знати и разбойники, салоны и царские дворы составляли часть переживаемой действительности. В ее стихах и прозе живет ритм тех, кто брел по дорогам или ездил в карете, кто располагал временем и желанием для того, чтобы предаться размышлению, созерцательности, чувствам и рассказам» [2, с. 75].

Массовая культура предстает совершенно иной, восприятие ее ценностей не требует специальной подготовки и обширных знаний. По словам Г. Маркузе, творения, рождающиеся в рамках массовой культуры, носят вид товаров и обладают потребительской стоимостью, ибо они удовлетворяют витальные потребности людей. В них нет той дистанции, которая всегда превращала их в нечто, наполненное «воздухом других планет». Массовая культура руководствуется «принципом Удовольствия, а не принципом Реальности» [Там же. С. 85].

По словам А. И. Шендрика, глобализация значительно «понижила статус не только первых двух, но и культуры как таковой, которая сегодня многими воспринимается отнюдь не как конечная цель человеческого рода, о чем неоднократно говорили И. Кант, М. Вебер, Г. Зиммель, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие, а как средство, способствующее достижению жизненного успеха и материального благополучия» [7, с. 59]. Одновременно с этим она сделала массовую культуру ведущим элементом системы культуры постиндустриального общества.

В последние десятилетия XX века яркой приметой интенсивно развивающейся литературной индустрии, как одного из самых главных «проводников» массовой культуры, стало появление так называемых бульварных, или любовных романов, в которых в качестве ведущей темы выступала любовная история.

Исключительная популярность и востребованность любовного романа, о чем свидетельствуют многочисленные тематические сайты в сети «Интернет» (см.: lovestorylib.com; Ladylib.net; tululu.org; novelbook.net), обилие переводной и отечественной литературы, изданной на бумажных носителях, разнообразие направлений внутри

жанра позволяют говорить о любовном романе как о некоем феномене, выражающем определенные общие идеи и ценностные ориентиры, являющиеся частью культуры. Тем более любовный роман, говоря строго, скорее можно соотнести с понятием литературной индустрии, чем с литературным процессом, поскольку неисчислимая волна написанных по шаблону книг вызывает чаще ощущение искусственно созданного разнообразия, чем естественного развития литературы в данной области.

Важно учитывать также, что в России любовные романы стали набирать популярность в конце XX века, когда происходила коренная ломка старой идеологической системы.

По словам Элеоноры Лассан, «в период отсутствия какой-либо сознательной проповедуемой идеологии и деконструкции ценностных оппозиций человек оказывается во власти присущих ему инстинктов. Изначально свойственные человеку инстинкты – Эрос и Танатос – определяют и видение мира, и говорение о нем» [4, с. 250]. С этой позиции жанр любовного романа становится своеобразной «приметой» нового времени, поскольку его исключительная популярность свидетельствует о весьма значимой тенденции: желании, а главное, возможности открыто и откровенно говорить об этой стороне человеческих отношений.

Любовь во все времена являлась так называемой «вечной», абсолютной ценностью. В любовном романе, уже в названии жанра декларирующей направленность произведений, любовь как доминирующая характеристика предстает в гипертрофированном виде.

Мы считаем любовный роман порождением массовой культуры и, следовательно, нас интересует смысловая наполненность ценности «любовь», которая предстает в виде системно взаимодействующих компонентов, каждый из которых является обязательным. Материалом для анализа послужили произведения признанных классиков жанра: Дж. Макнот, Дж. Линдсей, К. Мартин, Д. Гарвуд, Б. Смолл, Д. Деверо, К. Вудивисс, М. Пембертон и др. (всего около 50 романов).

Главными составляющими ценности «любовь» являются три позиции: **ОН, ОНА и их ОТНОШЕНИЯ.**

Сначала обратимся к образу мужчины, представленному в любовном романе. Здесь можно выделить несколько доминантных характеристик.

Внешность, в описании которой внимание акцентируется на таких моментах: рост, лицо (глаза), волосы.

«Ну почему он так чертовски хорош! Один его вид заставлял трепетать женские сердца» («Любят только раз», Дж. Линдсей);

«В это утро он показался ей еще более высоким, чем накануне, стройным и превосходно сложенным» («Раз и навсегда», Дж. Макнот).

Профессиональная успешность, которая обязательно соседствует с **богатством**, причем бедность и неуспешность выступают в данном случае как показатели слабости мужчины, его несостоятельности, как антиценность.

«Он любил эту работу, хотя вовсе не был обязан заниматься ею. Стивен как-то сказал ей, что за последние пять лет Клейтон почти удвоил и без того огромное состояние Уэстмоллендов» («Укрощение любовью, или Уитни», Дж. Макнот).

Гордость, которая часто является следствием высокого положения в обществе и значительного богатства героя, преподносится в качестве положительного качества, удовлетворение которого помогает Ему добиться значимых успехов.

Несгибаемый характер и равнодушие к мнению окружающих, способность видеть только свою цель и добиваться ее.

Способность испытывать сильные чувства и совершать поступки, в том числе и безрассудные, ради любви.

В результате возникает образ суперсамца, мужчины-гиганта, когда его нарочитая мужественность провозглашается одной из основных ценностей массовой культуры.

Образ женщины в любовном романе также складывается из нескольких составляющих.

Внешность, как правило, выдающаяся красота. Причем внешность женщины описывается более детально: лицо, глаза, волосы, особенности фигуры и т. д.

«Итак, перед гостями предстала богиня с золотисто-каштановыми волосами, облаченная в переливающееся сапфирово-

голубое платье в греческом стиле, так гармонизировавшее с ее глазами и плотно облегавшее ее тонкую, гибкую фигурку... Они увидели скульптурно выточенное лицо удивительной красоты с высокими, тонко очерченными скулами, совершенный нос, полные губы и крошечную интригующую ямочку в центре подбородка» («Раз и навсегда», Дж. Макнот).

«Прекраснее женщины он, без сомнения, еще никогда не встречал. Ее кожа казалась безупречной. Даже на расстоянии, разделявшем их, Лайон заметил цвет ее глаз. Они были голубые, удивительного оттенка летнего неба» («Львица», Дж. Гарвуд).

Основными чертами характера героини являются безусловная женская мудрость и сила, помогающая понять мотивы поступков своего возлюбленного и простить его, что оказывается особенно важным. Она мужественна, умна, смела, остроумна.

Ее происхождение не обязательно благородное, а материальное положение не всегда высокое, но обязательно наличие наиболее важной в характере героини любовного романа черты: мужества, которое делает ее слабой и сильной одновременно, способной противостать разным трудностям, коих героям встречается немало.

Обязательно лишь наличие особой **мудрости** у женщины, которая должна понять, принять и простить мужчину, если это требуется.

Таким образом, женщина в любовном романе предстает своего рода квинтэссенцией **женственности**.

Таким образом, в данных характеристиках закрепляются самые устойчивые ценностные ориентиры массовой культуры относительно внешности, поведения и назначения мужчины и женщины. Важно отметить, что особое внимание уделяется именно внешней привлекательности, именно физическим параметрам.

Третья составляющая – представляет чувства, связывающие героев. Их отношения многолики, но практически всегда в их презентации наличествует именно физическая составляющая, акцентирующая внимание на ощущениях, а не на чувствах. Иногда влечение героев друг к другу и является своеобразным воплощением самого любовного чувства, связывающего людей навеки.

«Кровь Гейджа забурлила в тот же миг, как его коснулась ладонь Шимейн. Даже после того, как девушка отстранилась и

сложила руки на коленях, пламя продолжало бушевать в душе Гейджа, кровь стремительно струилась по жилам, грозя пробить брешь в тонкой преграде его сдержанности. Всем своим существом он ощущал, как аромат Шимейн кружит ему голову...» («Лепестки на воде», К. Вудивисс).

Несмотря на это, герои, как ни странно, стремятся к браку, этому ритуальному действию, скрепляющему их право обладать друг другом. Это важный момент, который связывает любовный роман с реальностью, представляя понятным и устойчивым ритуалом. Ритуал, в свою очередь, обеспечивает, по Розенштоку-Хюсси, связь между прошлым и будущим.

«Но на этот раз ему почему-то хотелось большего. Ему хотелось, чтобы с Дэнни их связывали более прочные узы» («Влюбленный повеса» Дж. Лундсей).

Итак, в любовном романе, порождении массовой культуры, в той или иной степени воплотилась система ценностных ориентиров, характерных для масскульта. Схематично это можно представить так: **красота – богатство – гордость – целеустремленность – страсть – любовь**. Все компоненты являются обязательными, так или иначе присутствующими в любовных романах.

Все перечисленные выше ценностные характеристики говорят прежде всего о господствующей тенденции в развитии массовой культуры – дарить чувственные, ощущаемые удовольствия, которыми и «объясняется притягательная сила масскульта... Это не удовольствия, которые дарит игра ума, а удовольствия, получаемые разгоряченным и возбужденным телом» [7, с. 60]. С этой точки зрения любовный роман предстает как одно из звеньев в длинной цепи удовольствий, порождаемой современной массовой литературно-глянцевогой индустрией.

Опасность любовного романа – в навязывании мысли о том, что человек должен соответствовать определенным параметрам, чтобы его жизнь была счастливой, наполненной любовью.

В этом смысле любовный роман выполняет одну из функций массовой культуры – затушевывать, скрывать насущные проблемы реальной жизни.

Список литературы

1. Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: Изд-во «Радуга», 2003. – 1328 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: Relf-book, 1994. – 368 с.
3. Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1995. – С. 84.
4. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.
5. Тематический философский словарь [Электронный ресурс]. / Н. А. Некрасова, С. И. Некрасов, О. Г. Садикова. – М.: МГУ, 2008. – URL: <http://dic.academic.ru>.
6. Философия науки: словарь основных терминов [Электронный ресурс] / С. А. Лебедев. – М.: Академический Проект, 2004. – URL: <http://dic.academic.ru>.
7. Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 56-68.

УДК 811.133.1: 811.161.1: 81'243

Н. Н. Романова, И. О. Амелина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРАКТИКИ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА КАК ВИДА КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В статье определяется значимость письменной деловой коммуникации для развития культурно-экономических связей между государствами. На сопоставительных примерах русской и французской традиций делового письма характеризуется роль социокультурных знаний в осуществлении делового взаимодействия.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, иностранный язык, деловое письмо, национально-культурная специфика.

Современный этап развития общества отмечен масштабными глобализационными процессами, ведущими к укреплению многосторонних международных связей: политических, социально-экономических, научных, культурных. В этой связи овладение иностранным языком как основным инструментом и средством межнационального взаимодействия становится необходимым условием для осуществления совместной профессиональной деятельности представителями разных культур [7, с. 78]. Универсальной сферой реализации этого взаимодействия является экономика, поскольку в русле мировой интеграции любые межгосударственные хозяйственные связи имеют в своей основе экономический компонент [5, с. 76]. Функционирование стран в условиях рыночных отношений представляется возможным только при позитивном решении общих проблем и задач, что достигается через корректное ведение деловой коммуникации. Данный вид профессионального общения реализуется в устной и письменной формах при доминировании последней, ибо «постоянный обмен экономической, правовой, административной информацией между коммуникантами осуществляется посредством деловой документации» [1, с. 16]. И здесь особое место отводится деловым письмам, обеспечивающим установление, поддержание и развитие взаимовыгодных моно- и поликультурных профессиональных контактов.

Значимость практики международной корреспонденции подчеркивается многими учеными, в работах которых дается анализ специфики делового письма: Р. К. Боженковой, Н. А. Боженковой, В. В. Химиком, Н. А. Карабань, Е. Л. Куксовой и др. Однако данный вопрос не теряет своей актуальности в силу того, что стремительно развивающееся общество требует от специалиста оперативного отклика на происходящие изменения и быстрой к ним адаптации, в том числе к особенностям и правилам письменной деловой коммуникации, несущей на себе отпечаток культуры народа-носителя языка.

Наглядным примером необходимости всестороннего изучения характерных черт национальных культур, которые могут повлиять на взаимодействие двух государств и избежать коммуникативных неудач, могут служить укрепляющиеся в последнее время контакты

между Российской Федерацией и франкоговорящими странами: Францией, Демократической Республикой Конго (Демократическая Республика Конго до 1960 года была колонией Бельгии и переняла от нее многие культурные особенности, в том числе и официальный язык – французский, один из официальных языков Бельгии, наравне с нидерландским и немецким). В данном контексте целью настоящей статьи является рассмотрение социокультурных особенностей композиционно-языковой организации деловых писем в указанных странах, то есть исследование сфокусировано на сопоставлении русской и французской традиций деловых писем.

Деловое письмо, являясь видом профессионального общения в любой из культур, оформляется в соответствии с нормами официально-делового стиля, требующими соблюдения точности в формулировке мыслей, нейтрального тона изложения, композиционной и конструктивной стандартизации [6, с. 13]. Вместе с тем мировое культурное разнообразие предусматривает наличие национальных традиций в структурном и содержательном аспектах документа.

Деловые письма включают жанрово-типологические разновидности (запрос, извещение, просьба, поздравление, извинение, приглашение и др.), имеющие идентичное оформление. Обязательные реквизиты документа: эмблема организации, ее наименование и юридический адрес, дата и номер документа, адресат, заголовок к тексту, текст, подпись, печать – распределяются на три основные части: заголовочную, основную и оформляющую [2, с. 408]. И в этом отношении сопоставляемые французская и русская традиции деловой документации отличаются расположением некоторых реквизитов.

Так, заголовочная часть в обоих случаях содержит эмблему, данные отправителя (наименование организации, юридический адрес) и адресата, выходные данные документа (дата отправления, регистрационный номер). При этом в русском деловом письме информация об адресате размещается сразу напротив наименования организации отправителя; согласно же французской традиции, после юридического адреса приводится дополнительная информация об организации (различные номера банковских счетов) и лишь на уровне с ней отражается адресат. В России дата и номер документа идут после юридического адреса в левой верхней зоне, а во Фран-

ции и других франкоговорящих странах дата указывается вместе с местом отправления справа, напротив регистрационного номера, темы письма и отметки о вложенных документах (в России они входят в состав основной части). Отметим также, что рассматриваемые культуры используют разный формат датирования событий:

- русский вариант: 20.04.2015 (8 цифр и 2 разделяющие точки);
- французский вариант: 20 Avril 2015 (число двумя цифрами, месяц буквами и год четырьмя цифрами).

В целом французская традиция допускает вариативность в оформлении заголовочной части, русская же придерживается стандарта (рис. 1, 2).

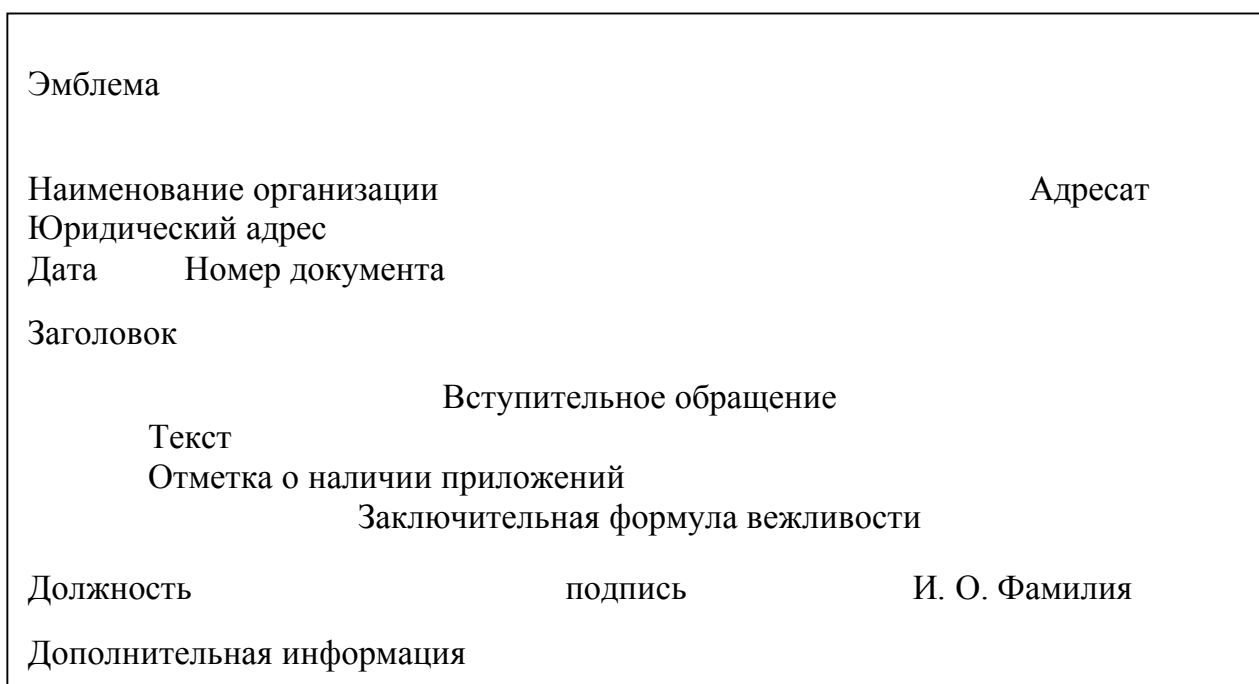

Рис. 1. Русская схема делового письма

Основная часть деловых писем начинается с обращения, которое в России принято писать по центру с восклицательным знаком, а во Франции и других франкоговорящих странах – слева, с абзацным отступом или без него. После обращения следует текст документа, завершаемый одной из формул вежливости (располагается так же, как и обращение).

В оформляющей части приводятся должность, подпись и полное имя представителя организации. Русская традиция делового письма размещает эти реквизиты на одной строке в обозначенном

порядке (имя обозначают инициалы и фамилия), во французской они даются справа ниже текста письма. Данная часть в обоих случаях может включать какую-либо дополнительную информацию (об исполнителе, копиях документа и т. п.), выраженную факультативными реквизитами (постскрипtum, отметка об исполнителе).

L' emblème	
Le nom de l'entreprise	
L'adresse	
L'Informations supplémentaires sur l'expéditeur	Le destinataire
Les références	Le lieu et la date
L'objet	
Les pièces jointes	
La vedette, l'appel ou l'appellation	
Le corps de la lettre	
	La qualité du signataire ou le département
	la signature
	Le nom du signataire en toutes lettres (prénom et nom)
L'Informations supplémentaires sur l'expéditeur (II)	

Рис. 2. Французская схема делового письма

Письменная деловая речь, налагая определенные ограничения на использование языка, отличается унифицированностью и стандартизованностью, но при этом она все же находится под воздействием национальных традиций страны. Национально-культурная специфика в стереотипных выражениях проявляется на трех уровнях: синтаксическом, семантическом и прагматическом [4, с. 18], которые так или иначе связаны с принятыми в конкретной культуре нормами речевого поведения. Все это требует от коммуникантов, профессионалов международного уровня, определенных социокультурных умений и знаний об иносоциуме. Речевой этикет выступает в качестве одной из основных стратегий общения в деловой сфере, поскольку представляет собой действенный инструмент в достижении коммуникативной цели и одновременно демонстрирует уровень культуры адресанта [3, с. 128]. Речевой этикет – это

«сложившаяся в языке и речи система устойчивых выражений, употребляющихся в ситуациях установления и поддержания контакта» [2, с. 75]. Отражением ментальных аспектов коммуникативной культуры народа определена национальная обусловленность речевого этикета.

На синтаксическом уровне различия в русской и французской традициях носят формальный характер. Например, в России уважительное обращение к собеседнику требует употребления местоимений «Вы», «Вас», «Вам», пишущихся с заглавной буквы; во французском языке данное явление отсутствует, однако слова «*Monsieur, Madame*» всегда пишутся с заглавной буквы, в то время как их русские эквиваленты «*господин, госпожа*» пишутся с заглавной буквы только в начале предложения [4, с. 18].

На семантическом уровне ярким примером национально-культурных особенностей деловых писем в России, Франции и других франкоговорящих странах может также служить обращение. Распространенным клише во французской традиции является словосочетание «*Cher Monsieur*» («*Дорогой Господин*») или же просто «*Monsieur*» («*Господин*»), первое из которых в русском деловом письме свидетельствовало бы о некоторой фамильярности по отношению к адресату, а второе – о некоем пренебрежении; в качестве аналогичного клише в России выступает формула «*Глубокоуважаемый/Уважаемый + Имя и отчество адресата*». Другим отличием рассматриваемых культур в практике делового письма может быть названа прямолинейность, ведущая к категоричности, у русских коммуникантов при выражении идей, построении вопросов и противоположное этому предпочтительное использование в данных целях условного наклонения у франкофонов, что придает высказыванию оттенок неуверенности и благосклонности к адресату. Например:

Vous devriez analyser les problèmes de transport des marchandises. – **Вы должны** проанализировать проблемы транспортировки товаров;

Les litiges seront résolus à l'aimable. – Спорные вопросы **должны** решаться дружеским путем;

*Après étude du dossier que vous avez bien voulu me confier.... – Изучив дело, которое **Вы мне поручили**....*

На прагматическом уровне деловые письма в России характеризуются сухостью и лаконичностью, четкостью в постановке цели и задачи, чтобы внимание собеседника не отклонялось от основного вопроса; французская же традиция использует более витиеватые формулы изложения. Например:

Просим срочно подтвердить... – Dans l'attente d'une confirmation rapide de votre part...;

Я чрезвычайно сожалею, что не могу принять Ваше приглашение. – A mon très grand regret, je me vois obligé de décliner votre invitation;

Сообщаем, что... – Nous avons l'honneur de vous communiquer que...;

Надеемся, что наша просьба будет удовлетворена. С уважением, ... – Avec l'espoir que vous prendrez notre demande en considération, nous vous prions d'agréer l'expression de nos sentiments les meilleurs.

Таким образом, учет социокультурных аспектов и национально-языкового своеобразия делового письма в процессе профессиональной коммуникации на международном уровне создает необходимые условия для сотрудничества специалистов разных стран, обеспечивая достижение ими успешного результата взаимодействия в указанной социально-экономической сфере и тем самым способствуя развитию межгосударственных связей.

Список литературы

1. Боженкова Н. А., Романова Н. Н., Амелина И. О. Коннотативная составляющая единиц разговорной лексики в устной деловой коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – №4. – С. 15 – 21.

2. Боженкова Р. К. Русский язык и культура речи: учебник / Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова, В. М. Шаклеин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 608 с.

3. Карабань Н. А. Роль социокультурного компонента в обучении иностранных студентов-нефилологов написанию этикетных деловых писем // Известия ВолгГТУ. – 2013. – №2 (105). – С. 127–130.

4. Куксова Е. Л. Функционально-прагматические и стилевые особенности делового письма (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Белгород, 2015. – 23 с.

5. Медведева Л. Д. О подготовке специалистов экономического профиля в условиях глобализации // Вестник ТГПУ. – 2009. – №2. – С. 76 – 79.

6. Основы русской деловой речи: учеб. пособие / под ред. проф. В. В. Химика. – СПб.: Златоуст, 2012. – 448 с.

7. Романова Н. Н., Амелина И. О. Формирование у будущих экономистов профессионально-коммуникативной компетенции в сфере письменного делового общения на основе советских и российских киноматериалов // Наука и Мир. – 2015. – №9 (25). – С. 78–83.

УДК 81

М. М. Соколова

ФГАУО ВПО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СТУДЕНТОВ СТРАН АТР К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

В данной статье представлен теоретический анализ проблемы этнокультурной адаптации студентов, межкультурных барьеров в процессе восприятия представителями разных культур друг друга, а также результаты эмпирического исследования диагностики общей коммуникативной толерантности русских и китайских студентов, а также общий уровень адаптации студентов АТР, обучающихся по обмену, к новой социокультурной среде (на примере Дальневосточного федерального университета).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, социокультурная адаптация к образовательному пространству вуза, межкуль-

турные барьеры, удовлетворенность образовательным пространством, студенты стран АТР.

Исследования, посвященные усвоению культуры иной страны и адаптации к переменам, и по сей день остаются одними из самых востребованных и применимых на практике. В настоящее время развитие академической мобильности студентов является одним из ведущих факторов в налаживании межвузовского сотрудничества стран АТР и России. Академическая (студенческая) мобильность представляет собой возможность обучения студента в течение длительного срока – от семестра до полного учебного года – как в своей стране, так и за её пределами [1, с. 278]. Она традиционно носит многосторонний характер – университет не только направляет своих студентов на обучение за рубеж, но и принимает у себя иностранных студентов из других университетов мира. Именно поэтому подобную программу принято называть еще и студенческим обменом.

В большинстве случаев процесс адаптации приобретает активность в переломных для человека периодах жизни. Учитывая этот факт, следует сказать о том, что в вузе огромное внимание должно уделяться проблеме адаптации студентов к образовательной среде и учебному процессу. Так как именно та среда, в которой студент находится на протяжении обучения, является центральным звеном успешности его адаптации.

Обзор литературных источников показал, что понятие «адаптация» по-разному трактуется исследователями в зависимости от сферы её проявления. Адаптация в самом широком смысле представляет собой состояние динамического соответствия, равновесия между живой системой (человеком) и внешней средой [4, с. 102]. С её помощью происходит компенсация недостатка привычного поведения к новой обстановке, на основании чего после и создается ситуация оптимума для организма, личности в непривычных условиях.

«В свою очередь под этнокультурной адаптацией подразумевается приспособление людей к новой культуре, к традициям, ценностям, интересам, взглядам другой страны. Сюда также можно отнести поведение людей и их образ жизни. И на основании всего вышеперечисленного собственно и происходит согласование, при-

выкание к нормам и требованиям в ходе межэтнической коммуникации, взаимодействия, помощи. Данное понятие также рассматривалось следующими авторами: И. А. Шолоховым, Н. М. Лебедева, В. Г. Крысько, Т. Л. Смолина и другими.

Еще одним из исследователей, занимающимся проблемой этнокультурной адаптации, был К. Оберг. Он отметил некоторые симптомы, появление которых характерно при взаимодействии, контакте с незнакомой культурой. К ним относятся:

- 1) тревожность, раздражимость, негодование при сравнении, анализе различий между своей и иной культурами;
- 2) напряжение, которое протекает при совершаемых усилиях для достижения адаптации;
- 3) ролевое рассеивание (диффузия);
- 4) чувство потери, ненужности (например, привычного окружения, социального статуса).

Также следует упомянуть о том, что автором было рассмотрено ключевое понятие в данной теме – «культурный шок». «Культурный шок», в понимании К. Оберга, «есть процесс адаптации к культурному стрессу, сопровождающийся напряжением, чувством потери и отверженности, тревогой и чувством неполноценности» [5, с. 158]. Им выделяется 4 стадии «культурного шока» [3]:

1) ощущение восторга, дружеских отношений при коммуникации, взаимодействии с представителями иной культуры. Данная стадия получила название «медового месяца»;

2) различия в ценностях, идеях, традициях находятся на начальном этапе, что уже приводит к возникновению чувства тревоги и озлобленности – стадия кризиса;

3) благодаря некоторым усилиям над собой, человек начинает приспособливаться. Выражается это в некотором усвоении языка и культуры страны пребывания – стадия восстановления;

4) пребывание за границей своего государства начинает доставлять удовольствие, возникает симпатия, что указывает на приспособление, «вживание» в новую культуру – стадия адаптации [6, с. 257–258].

Основное содержание возникших трудностей при адаптации иностранных студентов в социуме «чужой» страны заключается в

процессе принятия иной культуры, её традиций и ценностей, а также в способности отличить её от собственной, выявить намерения людей и при этом суметь сохранить этническое своеобразие и личной индивидуальности.

Но зачастую, при изучении данного процесса, остается без внимания вопрос межкультурных барьеров, которые могут привести к отрицательным показателям в процессе адаптации студентов стран АТР во время обучения в российских вузах, в которое они погружаются на довольно продолжительное время. Так, в процессе восприятия представителями разных культур друг друга зачастую возникают препятствия и затруднения, мешающие взаимопониманию. Они даже могут привести к возникновению конфликтных ситуаций между учащимися. Обычно возникающие трудности вызваны культурными различиями партнеров, которые не могут быть нивелированы сразу в процессе коммуникации. Исследователи подобный вид возникающих трудностей общения определяют термином «межкультурные барьеры». На сегодняшний день проблема барьеров в межкультурной коммуникации не получила основательного научного анализа. Но вместе с тем изучение в межкультурном общении причин различных барьеров позволяет сгруппировать их в три основных типа: барьеры стереотипов и предрассудков, невербальные барьеры и языковые барьеры [2, с. 27].

Барьеры стереотипов и предрассудков характеризуются особенностями национального и этнического сознания представителей разных культур. Интерес исследователей в этом контексте представляют следующие аспекты [3, с. 55]:

1) склонность к этноцентризму – негативная оценка другой культуры сквозь призму стандартов собственной;

2) стереотипизация, которая проявляется в формировании упрощенных образов представителей других и своей культур;

3) предрассудки как результат избранных включений в процесс межкультурных контактов (чувственного восприятия, негативного прошлого опыта и т. п.). Данные явления очень важны как потенциальные барьеры межкультурных интеракций на первых стадиях взаимодействия в ситуации неполной информации о личности партнеров.

Что касается невербальных барьеров, то здесь трудности у участников коммуникации могут возникнуть при передаче символов, неправильном их понимании одним из партнеров, после чего возникают проблемы с их значением. Их несовпадение может оказывать влияние на эффективность общения. Вначале наблюдаемое несовпадение значения вызывает, в большинстве случаев, удивление и беспокойство, немного шокирует, кажется странным и необычным. Однако по истечении некоторого времени происходит привыкание к другой ситуации, воспроизводство знаков, заимствованных у партнеров.

Языковые же барьеры представляют собой использование партнерами межкультурной коммуникации моделей восприятия социальной действительности посредством символических систем, что находит отражение в стилях устной и письменной коммуникации, а также в языковых конструкциях. Проблемы лингвистического характера часто становятся первыми (и вследствие этого наиболее запоминающимися) затруднениями при общении с представителями других культур.

Основываясь на научных источниках, можно сказать о том, что в настоящее время стало возможным сформулировать главные условия преодоления межкультурных коммуникативных барьеров. К ним можно отнести: уважение и понимание чужой культуры, религии, традиций и обычаев; формирование этнической компетентности путем совершенствования культурной образованности и толерантности и другие. Необходимо помнить, что каждая культура несет в себе нечто, что может предложить миру.

Но также, безусловно, не стоит выпускать из виду тот факт, что барьеры межкультурной коммуникации необходимы, так как они выступают важным стимулом к получению новых знаний о культуре собеседника, языковых особенностях других народов, заставляя тем самым самосовершенствоваться в плане своих собственных навыков коммуникации, а также помогают развивать способность чувствовать особенности и менталитет другой культуры.

На основании всего вышесказанного индивид становится способным эффективнее добиваться целей межкультурного взаимо-

действия, полнее удовлетворять свои культурные потребности и предвосхищать перспективы общения с представителями других культур.

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, демонстрирующие уровень адаптации студентов-китайцев к новой социокультурной среде, показатель этноцентризма и уровень коммуникативной толерантности в период прохождения долгосрочной академической программы студенческого обмена. Важно также уточнить, что обменные программы всех опрошенных студентов являются долгосрочными (один учебный семестр).

Для получения необходимой информации была проведена диагностика в апреле 2016 года, в которой приняло участие 30 студентов-китайцев первого курса разных специальностей Восточного института – Школы международных и региональных исследований (ВИ-ШРМИ) ДВФУ.

Предмет исследования – уровень адаптации вузовским образовательным пространством китайских студентов, проходящих обучение по программам академического обмена, показатель этноцентризма и уровень коммуникативной толерантности.

В соответствии с целью исследования был использован следующий блок методик, переведенных и адаптированных для китайских респондентов: «Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского (в модификации Т. Г. Стефаненко и М. С. Пановым), методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко), методика измерения этноцентризма М. Г. Стадникова.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

– согласно результатам, полученным в ходе проведения исследования по «Опроснику адаптации личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского (в модификации Т. Г. Стефаненко и М. С. Пановым) [1], получаем следующее (рис. 1): 6 китайских респондентов имеют высокий уровень адаптации, 10 – средний уровень, и 14 опрошенных студентов находятся на низком уровне адаптации к условиям новой социокультурной среды;

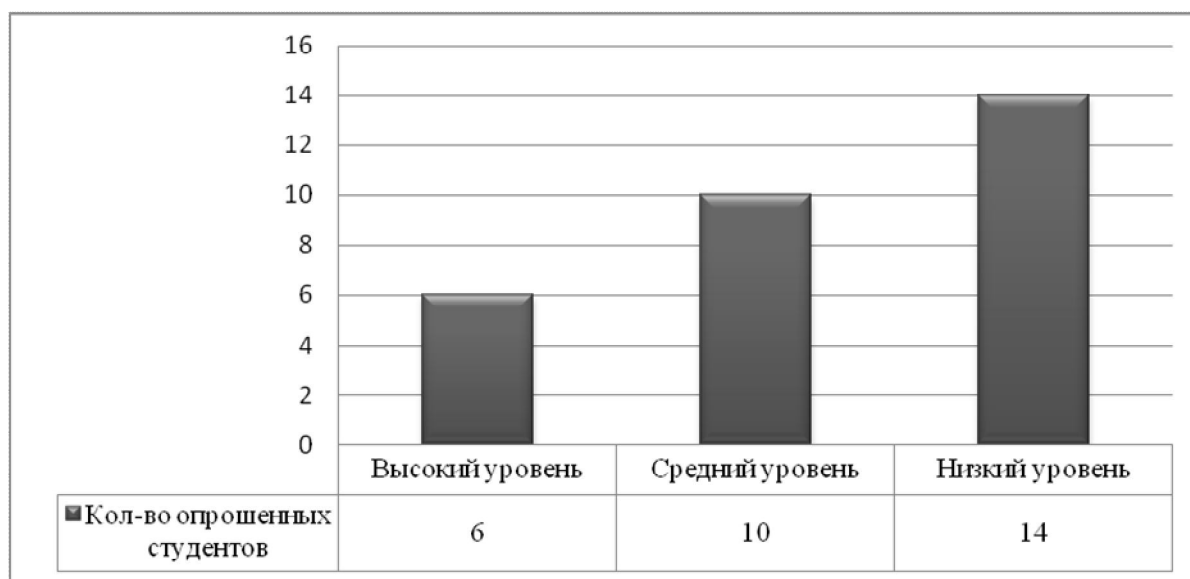

Рис. 1. Полученные результаты по «Опроснику адаптации личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского (в модификации Т. Г. Стефаненко и М. С. Пановым).

– методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко) предназначена для выявления толерантных и интолерантных установок личности студента, проявляющихся в процессе взаимодействия и общения. Полученные данные по методике (рис. 2) указывают на то, что студенты-китайцы имеют низкую и среднюю степень толерантности к окружающим (это говорит о возможности возникновения конфликтов между представителями разных этносов). Многие из опрошенных студентов признали тот факт, что они не научились еще должным образом воспринимать и принимать индивидуальные особенности окружающих их людей. К данным особенностям они относят стиль одежды, привычки, манеру выражения эмоционального настроения и т. д. Также отмечается неумение признавать ошибки партнера по общению, что выражается в частых обидах на собеседника. Еще одним из признаков низкого уровня толерантности к окружающим является непримиримость к частым дискомфортным состояниям собеседника (усталость, заболевание, частые смены настроения);

– методика измерения этноцентризма М. Г. Стадникова определяет уровень этноцентризма личности студента. Было выявлено, что 10 студентов имеют пониженный уровень этноцентризма, результаты по шкале равны 21% – 40%. Средний показатель имеют 19

студентов, результаты по шкале равны 41% – 60%. Один студент имеет низкий показатель по шкале этноцентризма – данные находятся в промежутке 0% – 20%.

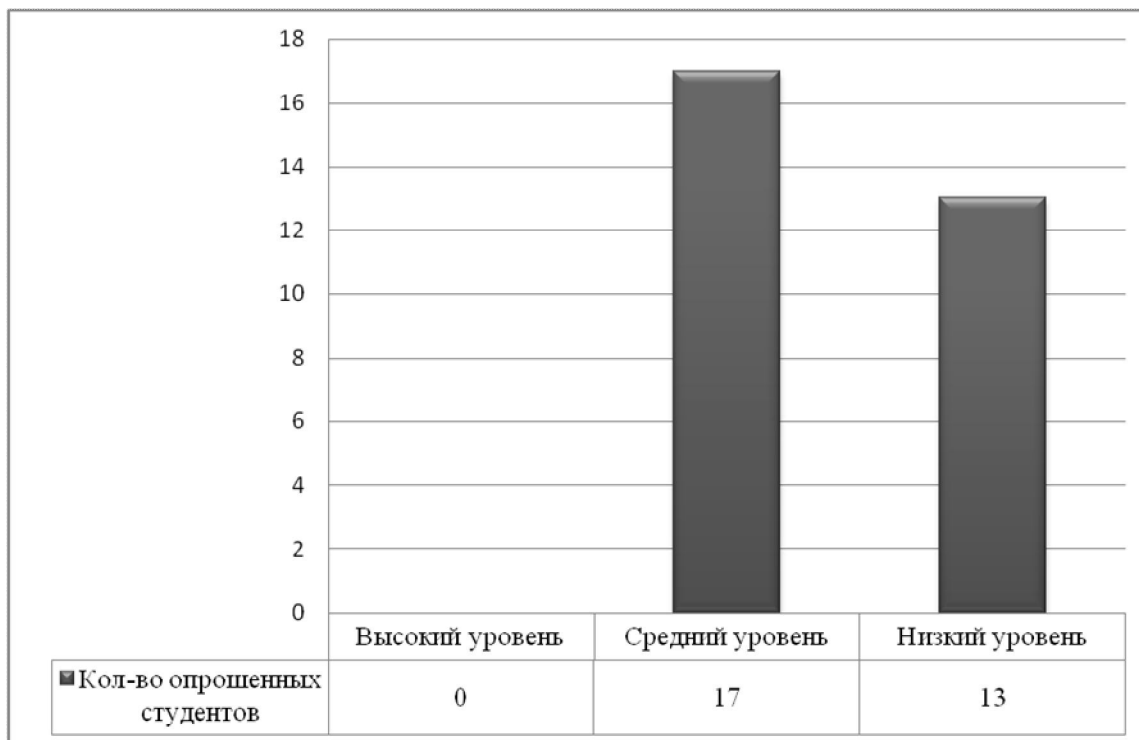

Рис. 2. Полученные результаты по методике диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко)

Таким образом, на основе полученных результатов, можно сделать вывод о том, что 1/3 иностранных студентов имеют неудовлетворенность к условиям новой для них культуры, это выражается в отрицательном отношении к окружающим, чувстве ненужности данному обществу, неуверенности в отношениях с другими людьми, низком уровне активности и другое. Большая часть китайских студентов имеют низкие уровни этноцентризма и коммуникативной толерантности.

Дальнейшие исследования в данной области предполагают расширение выборки по разной этнической принадлежности и по времени пребывания студентов стран АТР в образовательном пространстве вуза.

Список литературы

1. Соколова М. М. Академическая мобильность студентов стран АТР: проблемы и перспективы развития // Проблемы моде-

лирования социальных процессов: Россия и страны АТР: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 11-13 ноября 2015 г.) / отв. ред. И. Г. Кузина. – Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2015. – С. 278–279.

2. Садохин А.П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры: журнал – обозрение. – 2008. – № 2. – С.26–32.

3. Фалькова Е. Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях. – СПб.: СПбГУ, 2007 – 77 с.

4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический проект, 2000. – 320 с.

5. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. – 1960. – №7. – P. 177–182,

6. Соколова М. М. Межкультурная адаптация студентов стран АТР в полиэтническом образовательном пространстве (на примере студнтов-китайцев Дальневосточного федерального университета г. Владивосток) // Общество и этнополитика: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 24-26 сентября 2015 г.): в 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. Ин-т упр. ; под науч. ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск : Изд-во СИБАГС, 2015. – Ч. 3. – С. 257–260.

УДК 070.4

Н. С. Степанова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖАНРА
ПОРТРЕТНОГО ОЧЕРКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: ЛИЧНОСТНЫЙ
БЛОК ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«VIP / ВЗГЛЯД. ИНФОРМАЦИЯ. ПАРТНЕРСТВО»)**

В статье проанализированы современные тенденции развития жанра портретного очерка в отечественной художественной публици-

стике в части личностного блока текста на материалах публикаций в журнале «VIP / Взгляд. Информация. Партнерство».

Ключевые слова: художественная публицистика, портретный очерк, положительный имидж.

Журнал «VIP / Взгляд. Информация. Партнерство» издается с 2000 года, он ориентирован на представителей деловой, политической элиты и творческой интеллигенции Курска и Курской области. Миссия журнала – формирование единой информационной площадки для лидеров экономики, политики, культуры, науки и искусства Курска и Курской области. Журнал является своего рода визитной карточкой области, его выпуски составляют самобытную летопись Курского края за последние пятнадцать лет.

Учитывая информационные интересы своей целевой аудитории, редакция и авторы портретных очерков, публикуемых в журнале «VIP / Взгляд. Информация. Партнерство», преследуют несколько целей. С одной стороны, с помощью очерков, посвященных лидерам, они участвуют в создании позитивного имиджа реально существующих людей, выполняют функцию личностного PR, с помощью своих публикаций формируют в массовом сознании образ «успешного карьериста». С другой стороны, в увлекательной и занимательной форме рассказывают о биографиях людей, чьи имена и яркие судьбы интересны и близки миллионам читателей.

Становление языковой личности русского делового человека «происходило в контексте социально-политического и экономического развития общества и всегда несло на себе печать своего времени и обусловленной им социальной концепции» [6, с.114]. Имидж руководителя является одним из основных факторов формирования имиджа организации, и именно это обстоятельство зачастую становится решающим при написании портретного очерка. Портретный очерк наиболее успешно доводит до общественности подробности биографии или сведения о профессиональных и деловых качествах руководителя. Невозможно не оценить участие этого жанра в создании позитивного имиджа.

Двумя главными составляющими успешного имиджа руководителя, как известно, являются, во-первых, характеристики лич-

ностные, а во-вторых, характеристики профессиональные. К первым относятся темперамент, внешность, характер, семья, дети, хобби, животные, личная история. Ко вторым относят стиль принятия решений, модель ролевого поведения, личную миссию руководителя, организаторские способности, маркетинговые успехи фирмы, связь лидера с различными социальными группами: с теми, интересы которых он представляет; с теми, которые поддерживают его и являются союзниками; с оппонентами и открытыми врагами. Наше исследование посвящено личностному блоку текстов портретных очерков.

Название очерка, как правило, строится на обыгрывании рода деятельности его героя или его лидерских характеристиках: *«Работать в команде – великий дар»*, *«Всё делать по максимуму»*, *«Он знает – как, а главное – зачем»*. В качестве заголовка довольно часто используются устойчивые стереотипные словоформы: *«Как дело наше отзовется...»*, *«Дан приказ ему на запад...»*, *«Дорогу осилит идущий...»*, *«Я не хочу судьбы иной...»*. Потом они «обыгрываются» в тексте.

Каждый материал открывает краткий лид – представление героя, яркая характеристика, задающая необходимый тон последующему восприятию информации. Для того чтобы лид заинтересовал читателя и настроил его на доброжелательное восприятие описываемых личностных черт, особенностей биографии, жизненной позиции героя, авторами очерка часто используются художественные образы:

«Имя ей к лицу: светлый образ в озарении улыбки, доброе сияние взгляда. Главный врач ОБУЗ «Курская горбольница № 2» уважаема, ценима и любима множеством курян, и не счесть поздравлений и цветов от земляков в день ее рождения. Но в судьбе Светланы Николаевны Асеевой, так получается, круглые даты совпадают с годовщинами Великой Победы» [7, с. 20];

«Ивановых, говорят, пол-России. А вот Иванков – фамилия довольно редкая. Как и когда появилась «лишняя» буква в метрике далекого предка, Юрий Анатольевич и сам не знает. Может быть, просто ошибка вкралась. Но, видно, каким-то загадочным образом сказалась она на характере обладателей фамилии. Во всяком слу-

чае, в Ольховатке, откуда ведет свое начало род, каждый скажет: Иванковы – люди надежные, основательные, смекалистые и трудолюбивые» [13, с. 49].

Для большей концентрации внимания тексты очерков разделены на отдельные главки. Используя этот композиционный прием, авторы разбивают свои произведения на тематические блоки. В публикациях журнала «VIP» они указывают на важные вехи жизненного пути или этическое кредо героя очерка:

«Предыстория», «Чужая боль как своя», «Доверяй, но проверяй!», «Секреты успеха», «Сильна семья – сильна и область, и Россия!», «Две стороны одной медали», «Если не мы, то кто?» [5, с. 20–23];

«Ах, эти детские мечты!», «Дары Божьи», «Нелегкий выбор», «От идеи до воплощения», «Лучшая наука – практика», «Ее семья – ее держава и опора», «Мир спасет доброта» [11, с. 6–8].

Так как без описания личностных характеристик героя портретный очерк создать невозможно, в публицистических портретах много позаимствованного у биографических описаний. Очеркисты часто обращаются к биографии как исходному, «просматриваемому» и менее трудному для воспроизведения материалу. Фрагменты жизненного пути героя занимают достойное место в анализируемых нами портретных очерках.

Биография входит в очерк либо как отдельный блок, либо как повод для авторских размышлений, либо как отдельный фрагмент-вставка, проясняющая идею, помогающая «выстроить» образ героя. Для журналиста-очеркиста важно не просто описать явления и события в их временной последовательности, но выбрать из всей жизни героя наиболее яркие моменты, вызывающие у читателя определенные ассоциации. По сути, журналист старается найти такие эпизоды в жизни человека, которые бы соотносились с определенными сложившимися общественными представлениями. Поэтому опытному журналисту остается лишь расставить акценты на тех явлениях и событиях личной жизни героя очерка, которые необходимы для актуализации стереотипного общественного представления. Авторский коллектив журнала «VIP» расставляет акценты на тех событиях жизни героев публикаций, которые соответствуют

общественному представлению об «успешном руководителе» или «состоявшемся человеке».

Потенциальному читателю (независимо от его социального статуса) всегда интересно читать информацию, касающуюся «стартовых позиций» героя – его детства и юности. При этом включается ассоциативная память, уводящая читателя в свое собственное прошлое, дающая импульс к собственным приятным воспоминаниям; запускается механизм возникновения эмпатии. Проиллюстрируем это на примерах.

О родителях как о «начале всех начал» говорится немного, но зато очень достойно:

«Родители – Владимир Прохорович и Мария Филипповна – не просто сельские труженики, а по жизни грамотные, убежденные сторонники советской власти, идейные колхозники. Они и познакомились-то на учебе в Харьковской совпартшколе. Отец почти все трудовые годы из сорока двух, отданных колхозному производству, был еще и парторгом. Стойкости их характеров можно только позавидовать: что бы ни происходило в стране на протяжении жизни, главным приоритетом остается в семье одно – труд!» [9, с. 20].

Для создания позитивного имиджа руководителя необходимо создать образ безупречного семьянина, так как это соответствует представлению о том, что «хороший хозяин дома – хороший хозяин дела». Об имеющих семью руководителях авторы портретных очерков пишут как о примерных супругах:

«Предмет особой гордости и ценности для Б. Д. Ковпака – его семья. В следующем году отпразднуют 30-летие совместной жизни с Оксаной Владимировной. Все это время они прожили душа в душу под одной крышей с ее родителями – Владимиром Семеновичем и Татьяной Алексеевной Брежневыми» [2, с. 45];

«Она признается, что ей очень помогает поддержка близких, в первую очередь супруга Сергея Ивановича, технического директора их общей компании. Они знают друг друга 33 года, еще со студенческой скамьи, и уже 30 лет в браке. Их союз – пример для сына Дениса, который в прошлом году в День строителя стал се-

мейным человеком. Он с женой Ольгой живет в Курчатове и очень чтит традиции семьи» [11, с. 8];

«Как и в семейной лодке Нордстрем, где каждый – капитан. Валентина Ивановна убеждена, что дом, который объединяет лидеров, пожалуй, счастливей прочих. Потому что здесь умеют договариваться, принимают границы личных территорий, берегут и поддерживают друг друга» [3, с. 39].

Так как привлекательным и работоспособным может быть только здоровый человек, здоровый образ жизни также стал одной из составляющих имиджа современного менеджера. Поэтому герои очерков уделяют своему здоровью, несмотря на загруженность, большое внимание:

«И еще добавлю: чтобы реализовать поставленные цели, надо поддерживать свое здоровье в форме. Кстати, несколько лет назад Анатолий Владимирович получил чёрный пояс по айкидо, сдав экзамен японскому мастеру, и почти три года занимается карате у Игоря Грибакина» [8, с. 33].

Если у героев очерка есть какие-то еще увлечения, кроме работы, о них обязательно рассказывается в очерке. Хобби у них, также согласно требованиям создания имиджа, – импонирующее социуму:

«В числе многих дарований Светланы Николаевны есть одно, хорошо известное ее родным, многочисленным друзьям, да и нашим читателям – это талант стихосложения. Сама же она скромно именует свое увлечение «стихотерапией для души». И вправду, читая ее строки, сразу ощущаешь прилив оптимизма и позитива» [7, с. 20];

«Здесь у Валентины кипела профессиональная и общественная деятельность. Она прекрасно рисовала. Нередко и сейчас берет за кисть. Принимала участие в художественной самодеятельности и покорила сцену: еще с институтской поры танцевала, играла в любительских спектаклях, некоторые ставили на немецком, который девушка прекрасно знала. Навыки стрелка из боевого оружия помогали концентрироваться и принимать выверенные решения» [3, с. 38].

Необходимо сказать о роли фотографий, используемых в портретных очерках. В массовом сознании существует устойчивый образ делового человека, и все большее количество руководителей начинает с этим считаться. Используемые в очерках фотографии демонстрируют утонченную элегантность, вкус и стиль. Наиболее распространенной формой фотографии, сопровождающей портретный материал в журнале, является снимок средним планом. Он позволяет запечатлеть в сознании аудитории индивидуальные особенности невербального имиджа руководителя. Хорошо выполненные фотографии представляют не только внешний облик человека, но также иллюстрируют его отношения с семьей, сторонниками, наиболее выгодные факты биографии, результаты деятельности. Иногда в тексте рядом с фотографией авторы помещают и словесный портрет своего героя:

«Женщина, родившаяся в Год Лошади, под знаком Овна, уже по определению красива, трудолюбива, успешна. А если этот коктейль дополнить еще и талантом художника, осознанным стремлением творить самой и поддерживать творчество других, то получится яркая, неординарная личность. Вот это и есть Вера Генна!» [14, с. 40];

«Светлана Анатольевна внешне яркая, харизматичная, стильная и активная блондинка, выделяющаяся из толпы и запоминающаяся раз и навсегда. Но, общаясь с людьми, она не рисует-ся, не стремится произвести впечатление» [11, с. 8];

«Ей свойственны минимализм, лаконичность, вкус и чувство меры в одежде и деталях гардероба, в работе, в жизни, в отношениях. Деловой имидж руководителя финансовой системы отличается от привычного конъюнктурного. Валентина Ивановна избегает сложносочиненных костюмов с однозначными аксессуарами, которые должны подчеркивать статус обладательницы» [3, с. 37].

Очерк не случайно называют «королем» художественно-публицистических жанров. Это, пожалуй, наиболее трудный жанр, потому что он требует от журналиста настоящего литературного мастерства. В очерке соединяется аналитическое и образное начало. Иными словами, поднимая какую-то проблему или создавая портрет какого-то человека, журналист, работающий в этом жанре,

должен опираться не только на фактический материал, но и использовать художественные методы выразительности.

Варьирование соотношения соответствующих личностного и профессионального блоков информации в портретном очерке позволяет оперировать в большей или меньшей степени эмоциональными и рациональными факторами воздействия и достигать различных стратегических целей. Характер героя в публицистике – всегда только версия. В жизни он не может быть так завершен, как единственно целостная авторская концепция материала на страницах периодической печати.

Появление любой персоны на страницах нынешних газет и журналов сопровождается следующим подходом журналиста к работе над портретным материалом: самое важное передается через наблюдение за поведением героя; отмечаются парадоксы судьбы; привлекаются образные ассоциации и наглядные эпизоды. Соотношение индивидуально-личного и социально-типичного материала в портретном очерке зависит от замысла автора. Также на это соотношение влияет социальный заказ общества.

Список литературы

1. Александрова Е. Владимир Тойкер: Работать в команде – великий дар // VIP. – 2015. – № 3 (91). – С. 32–35.
2. Васильева С. Дмитрий Ковпак: Всё делать по максимуму // VIP. – 2015. – № 2 (90). – С. 44–45.
3. Горностаева Е. Поверяя жизнь свою цифирью // VIP. – 2015. – № 1 (89). – С. 37–39.
4. Добычина Н. Он знает – как, а главное – зачем // VIP. – 2015. – № 5 (93). – С. 28–32.
5. Кондратьева С. Марафон длиной в семь лет // VIP. – 2015. – № 1 (89). – С. 20–23.
6. Романова Н. Н., Амелина И. О. Диахронический анализ языковой личности и речевого портрета делового человека в аспекте формирования профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов // Наука и культура России: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. – Самара: СамГУПС, 2014. – С. 114–117.

7. Рыжков П. Светлана Асеева: Врачевание – высокое призвание // VIP. – 2015. – № 2 (90). – С. 20.

8. Сарсакова Н. Как дело наше отзовется... // VIP. – 2015. – № 5 (93). – С. 29–33.

9. Сарсакова Н. Сергей Полупан: Землю люблю с детства. Ей и служу... // VIP. – 2015. – № 4 (92). – С. 20–21.

10. Стасова С. Дан приказ ему на запад... // VIP. – 2015. – № 2 (90). – С. 52–54.

11. Стасова С. Светлана Медведева: Дорогу осилит идущий... // VIP. – 2015. – № 3 (91). – С. 6–8.

12. Стасова С. Татьяна Силина: Я не хочу судьбы иной... // VIP. – 2015. – № 2 (90). – С. 39–41.

13. Третьякова Л. О «лишней» букве, семейном характере и любви к родине // VIP. – 2015. – № 1 (89). – С. 49–51.

14. Улановская Н. Реальные миры Веры Геппа // VIP. – 2015. № 1 (89). – С. 40–41.

УДК 81

Н. И. Степыкин, Э. Ди Батиста

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ЗЛО / MALE

В предлагаемой статье при помощи метода свободного ассоциативного эксперимента исследуются этические категории «зло» и «male». Анализ компонентов, составляющих данные категории, позволяет установить сходства и отличия в образах мира представителей русской и итальянской лингвокультур.

Ключевые слова: ассоциативное поле, зло, этическая категория, языковая личность.

В настоящее время изучение этнолингвокультурной проблематики становится все более актуальным вопросом современного языкознания. Исследование состава этических категорий при по-

мощи экспериментальных методов позволяет выявить мотивы, оценки и стереотипы, свойственные представителям различных лингвокультур.

Предметом нашего исследования стала структурно-содержательная специфика ассоциативных полей (далее АП) этических категорий «зло» / «male». По мнению Н. В. Уфимцевой, «как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии, всеми знаниями, опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета» [5]. Ассоциации могут рассказать многое о неосознаваемых структурах, в которых мыслится окружающий нас мир.

С целью выявления состава АП категорий «зло» / «male» нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие по 100 носителей русского и итальянского языков, в возрасте от 17 до 25 лет. Определяющим при выборе информантов был тот факт, что к 17 – 25 годам, как утверждает Ю. Н. Караулов, «становление языковой личности в основном завершается, и значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента»[3].

Эксперимент с русскими респондентами проводился в 2016 г. В качестве испытуемых выступили студенты Юго-Западного государственного университета. Ассоциативный эксперимент проводился с испытуемыми в индивидуальном порядке и коллективно. Носителям русского языка экспериментальный материал предъявлялся в виде печатной анкеты или в электронном варианте. В тексте инструкции, который предварял перечень стимулов в каждой анкете, указывалось, что испытуемые должны реагировать на предъявляемый стимул первым пришедшим на ум словом, принадлежащим к любой части речи. Для определения сбалансированности выборки по возрастному, социальному и гендерному параметрам испытуемым также предлагалось указать в отдельных графах свой возраст, пол и образование. При предъявлении анкеты в печатном варианте осуществлялся контроль времени выполнения задания (1 минута 30 секунд на заполнение одной анкеты). Если анкета предлагалась в электронном варианте, испытуемых просили реагировать сразу же, не обдумывая варианты ответа.

В результате эксперимента нами были получены следующие реакции на стимул зло: война 7, ненависть 5, враг 4, боль 3, зависть 3, крик 3, плохо 3, предательство 3, страх 3, убийство 3, алкоголь 2, ведьмы 2, голод 2, жестокость 2, обида 2, темнота 2, тьма 2, ужас 2, аборт, беда, беднота, болезнь, Гитлер, гордость, грех, грубость, добро, драка, дьявол, злодей, злость, измена, коварство, курение, ложь, люди, маньяк, месть, наркомания, наркотики, непонимание, неприятность, несчастья, ночь, Обама, обман, отвлечение, отчаяние, подлость, потеря, правительство, равнодушные, разочарование, разруха, смерть, спиртное, ссора, старость, страдание, строгость, США, тревога, убийца, холод, эгоизм – $100+65+0+47$, где 100 – общее количество реакций, 0 – число отказов испытуемых, 65 – количество различных реакций, 47 – число единичных ассоциатов.

Отообразим графически полученные данные (рис. 1).

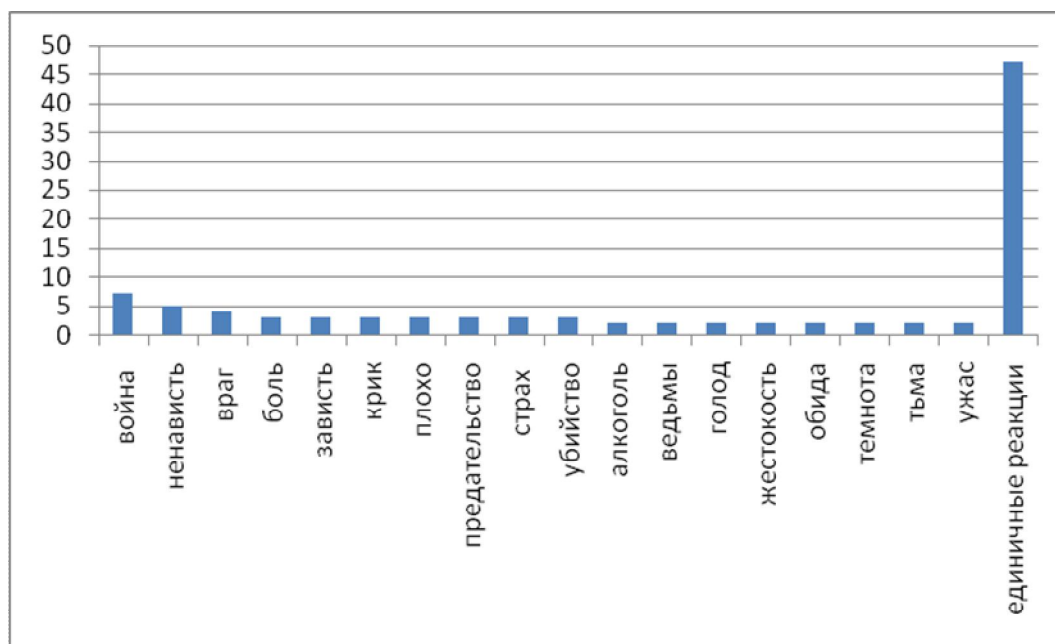

Рис. 1. Структура и содержание ассоциативного поля «зло»

Аналогичным образом был проведён эксперимент с носителями итальянского языка, экспериментальный материал для которых предъявлялся в электронном виде. Испытуемыми явились студенты Болонского университета.

АП *male* составили следующие компоненты: *malattia* 5, *dolore* 4, *odio* 4, *paura* 4, *buio* 3, *egoism* 3, *guerra* 3, *solitudine* 3, *tristezza* 3,

violenza 3, angoscia 2, cattiveria 2, indifferenza 2, intolleranza 2, pianto 2, pioggia 2, ansia, antipatia gratuita, approfittarsi, avarizia, avidità, banale, colpa, coltello, delusion, demonio, disastro, disinteresse, errore, freddo, gelosia, grigio, guai, ignoranza, imbroglio, insoddisfazione, invidia, lacrime, maleducazione, mancanza di rispetto, morte, negatività, nero, nuvole, offesa, ospedale, pena, perdita, pessimism, poco, presunzione, rancore, rimorso, sbagliato, schiavitù, sconfiggere, separazione, sfiducia, slealtà, strega, superficialità, taciuto, tempo, tenebre, testardaggine, tradimento, vanagloria, vendetta, viltà – 100+69+0+53.

Графически АП «male» выглядит следующим образом (рис. 2).

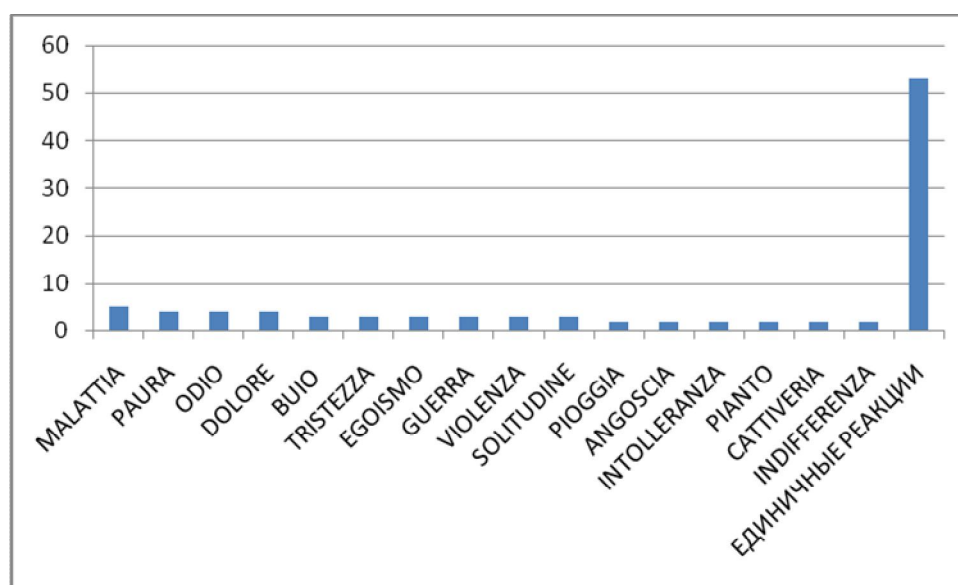

Рис. 2. Структура и содержание ассоциативного поля «male»

Ядерными реакциями на стимул *зло* являются *война, ненависть* и *враг* (3 различных ассоциата – 16 реакций), в то время как структурно ядро ассоциативного поля «male» представлено 4 ассоциатами (*болезнь, страх, ненависть, горе* – 17 реакций). Отметим, что содержательно совпал только один компонент (*ненависть*). Устойчивые ассоциативные связи *зло – война, зло – враг*, видимо, свидетельствуют о повышенной тревожности русских респондентов, вызванной военными конфликтами (на Украине, в Сирии и пр.), которые подробно освещают средства массовой информации, а также внешнеполитическими и экономическими мотивами (расширение НАТО, экономические санкции).

Ближняя периферия в большей степени сформирована для ассоциативного поля «зло» (37 реакций), чем «male» (30 ассоциатов). Зло носители русского языка ассоциируют с чувствами боли, голода, страха, обиды и зависти, а итальянцы связывают зло с нетерпимостью, равнодушием, тоской, одиночеством и эгоизмом.

Ряд реакций с когнитивным признаком «вредные привычки», полученный на стимул «зло» (*алкоголь 2, курение, наркомания, наркотики, спиртное*), может свидетельствовать об остроте данной проблемы для российского общества. Так, статистика алкоголизма в России показывает, что ежегодно в нашей стране от этой страшной болезни погибает около семисот тысяч граждан [1]. С другой стороны, проблеме вредных привычек уделяется большое внимание общественности и СМИ, что также могло стать причиной выбранных стратегий ассоциирования.

Для представителей итальянской лингвокультуры характерны реакции с когнитивными признаками «погода», «природные явления» (*tempo, pioggia 2, nuvole, freddo*). Видимо, данные ассоциативные связи обусловлены многозначностью слова-стимула «male», которое можно перевести не только как «зло», но и как «плохой». Так, когда идёт дождь или снег, в Италии говорят "maltempo" (плохая погода).

В нашем исследовании при установлении структуры и содержания этических категорий важно уделить внимание не только ядерным зонам, которые помогают выявить наиболее стабильные составляющие языкового сознания носителей русской и итальянской культур, но и «нужно не отбрасывать единичные ассоциативные реакции, а внимательно их изучать, отвечая на вопрос, насколько они актуализируют структуру ядра значения. Какие стратегии ассоциирования затрагивают это ядро и в перспективе могут изменить психологическое значение, а значит, задать иное содержание сознания? Какие ассоциаты являются отражением глубоко индивидуальных, периферических для психологического значения ассоциаций?» [4, с. 187].

Реакция *росо* связана, с одной стороны, с выражением "росо male" (*ничего страшного*). С другой стороны, слова *росо* и *male* употребляются в сочетании "росо e male". Например, *dormire росо e*

male (спать мало и плохо); *mangiare poco e male* (есть мало и плохо), т. е. в данном случае в итальянском языке количество не определяет качество: можно есть мало, но хорошо.

Ассоциативная связь *зло – рабство*, возможно, обусловлена выражениями "schiavitù del male" (*рабство зла*) или "essere schiavi del male" (*быть рабами зла*). Иными словами, человек, ставший на сторону зла, не может остановиться и превращается в «раба зла».

Ассоциация «banale», видимо, обусловлена книгой Ханны Арендт «Банальность зла», давно ставшей классикой политической мысли XX в.

Среди единичных реакций русских респондентов отметим ассоциаты Обама и США. На сегодняшний день среди представителей русской лингвокультуры довольно популярны блоги под названием «Знамения над Обамой. Признаки антихриста» [2], онлайн-игра «Обама – обитель зла» [7], стереотипное восприятие США, представленное в утверждениях «Империя зла. Диктатор. Страна, которая принесла миру больше горя и ненависти, чем любое иное государство в истории Земли» [6]. Ассоциативная связь *зло – Гитлер* носит историко-культурологический характер, отсылая нас к трагическим событиям Великой Отечественной войны, унесшей жизни миллионов русских людей, поэтому неудивительно, что даже 70 лет спустя один из ста респондентов даёт подобный ответ.

Таким образом, в результате исследования были получены современные ассоциативные данные об этических категориях «зло» и «male», базисных понятиях человеческого опыта и неотъемлемых атрибутах языковой личности. Содержательные соответствия в реакциях русских и итальянских респондентов (*ненависть, война, темнота, тьма, болезнь, холод, обман, эгоизм* и т. д.) можно объяснить тем, что зло – универсальная категория нравственного сознания. Однако обозначенные компоненты занимают различное место в структуре исследуемых категорий. Также в ходе сопоставительного анализа были обнаружены реакции, не имеющие соответствий. Подобные ассоциации, как правило, либо национально маркированы (*Обама, Гитлер, США*), либо отражают глубоко индивидуальные смыслы (*errore, измена*).

Список литературы

1. Вредные привычки [Электронный ресурс]. – URL: <http://sigaretastop.ru/statistika-alkogolizma-v-rossii.html> (дата обращения: 17.04.2016).
2. Знаки исполнения времён. Аналитика и размышления [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.f7x.ru/blog/mid/350> (дата обращения: 17.04.2016).
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
4. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в 2 ч. Ч. 2: Этнопсихолингвистика. – М.: МГЛУ, 2007. – 228 с.
5. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
6. Махпарк [Электронный ресурс]. – URL: <http://maxpark.com/community/13/content/2456752> (дата обращения: 17.04.2016).
7. Ozzgames [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozzgames.ru/game/Obitel-Zla-Obama> (дата обращения: 17.04.2016).

УДК 81`272

А. Л. Толстая

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

В статье проводится лингвистический анализ заголовка в системе макротекста СМИ и системы ценностных представлений в средствах массовой информации с целью создания типологии ценностных ориентиров как вербальных репрезентантов комплекса ценностных представлений.

Ключевые слова: ценностный ориентир, заголовок, коммуникативное воздействие.

Одной из эффективных форм коммуникативного воздействия, результатом которого является сообщение реципиенту определенного перечня ценностных ориентиров, способных гипотетически повлиять в той или иной степени на систему его ценностных представлений, можно считать использование заголовков и заголовочных комплексов.

Заголовки СМИ, как наиболее потребляемый медиапродукт на современном коммуникационно-информационном рынке, имеют исключительно важное значение, так как являются ведущими носителями формулируемых адресантами ценностных ориентиров. Благодаря свойствам диффузности и перцептивности заголовки СМИ и транслируемые ими сообщения легко достигают адресатов. Многоканальность коммуникационного воздействия со стороны СМИ на реципиентов, его «массированность», достигаемая повторяемостью сообщений в относительно коротком временном отрезке, специальные приемы, используемые для повышения аттрактивности заголовков, в том числе экстралингвистические, являются определяющими факторами, обеспечивающими успешность коммуникации. В свою очередь свойства социокультурной контекстности и эвентуальности, вовлекающие в процесс коммуникации комплекс социокультурных знаний реципиента и систему его ценностных представлений, позволяют успешно реализовывать акт трансляции ценностных ориентиров.

Ценностные ориентиры, являясь вербальными репрезентациями комплекса ценностных представлений, активно участвуют в процессах формирования, поддержания стабильности и развития ценностной картины мира данного социокультурного пространства.

Структура выпуска СМИ, иерархия материалов отражает принятое в данном социокультурном пространстве представление о приоритетах, «жизненных смыслах» и системах ценностей. Заголовки моделируют и структурируют «картину мира» через перечень ключевых доминирующих лингвокультурных концептов.

Рассмотрим концепты ценностных ориентиров заголовков более подробно:

– *общечеловеческие*, связанные с представлениями общества о ценностях человечества в целом (человеческая жизнь – высшая

ценность, необходимость предоставления приемлемых условий жизни всему населению планеты, борьба с голодом, решение проблемы беженцев, инвалидов и т. д.):

Мотористы «Кольской» спасали товарищей ценой своей жизни (Известия. 16.02.2012);

Пострадавший при взрыве в «Белладжио»: «Первая мысль – спасти беременную жену» (Комсомольская правда. 16.02.2012);

За распространение наркотиков будут сажать пожизненно (Комсомольская правда. 15.02.2012);

– *геополитические*, связанные с ценностями и ценностными предпочтениями, сформулированными и исторически сложившимися в сфере внешней политики конкретного государства и межгосударственных отношений в масштабе планеты (роль и престиж страны на международной арене, защита геополитических интересов страны, необходимость соблюдения установленных норм и принципов межгосударственных отношений и т. д.):

Обама послал России антиядерный сигнал (Независимая газета. 16.02.2012);

Россия назвала условия урегулирования в Сирии (Независимая газета. 16.02.2012);

Лукошенко хочет, чтобы Россия платила зарплату белорусским военным (Комсомольская правда. 10.02.2012);

– *социально-политические*, связанные с ценностными представлениями, относящимися к сфере внутривнутриполитической жизни общества (согласие в обществе, политическая стабильность, соблюдение свобод, развитие демократии и т. д.):

Президентские выборы получили пятерку (Московский комсомолец. 28.01.2012);

Власть и общество в борьбе за улицу (Независимая газета. 30.01.2012);

Россияне стали беднее за счет кредитов (Коммерсант. 30.01.2012);

– *социально-экономические*, связанные с ценностными представлениями, относящимися к сфере социально-экономической жизни страны (экономическое благополучие страны, благосостоя-

ние населения, повышение уровня жизни, решение проблемы занятости и т. д.):

Впервые за десять лет российский бюджет ушел в минус (РБК DAILY. 16.02.2012);

Коммунальные платежи вычтут из зарплаты? (Московский комсомолец. 16.02.2012);

В России могут поднять минимальную зарплату (Независимая газета. 13.2.2012);

– *нравственные*, связанные с представлениями о моральных нормах, принятых в данном социокультурном пространстве (воспитание нравственности, соблюдение законности, борьба с преступностью и т. д.):

Борьба с коррупцией – дело государственное, а порядочность – качество индивидуальное (Комсомольская правда. 13.02.2012);

Борьба за чистоту (Новые известия. 10.11.2011);

На деньги преступников создадут фонд компенсации пострадавшим от их действий (РБК DAILY. 17.02.2012);

– *культурно-эстетические*, связанные с представлениями о ценностях культуры, унаследованных от предшествующих поколений и создаваемых в настоящее время в результате деятельности конкретного общества и человечества в целом в духовной и материальной сфере (необходимость изучения и сохранения культурного наследия, развитие культуры, воспитание эстетического вкуса и т. д.):

Культурная эволюция (Российская газета. 21.01.2012);

Диалог культур должен услышать каждый (Московский комсомолец. 16.11.2011);

Ледниковый период культуры (Аргументы недели. 15.10.2011);

– *национально-религиозные*, связанные с представлениями о религиозных ценностях в целом и конкретных (в том числе этнических) групп населения (свобода совести, веротерпимость, недопущение религиозного экстремизма, уважительное отношение к другим религиям и т. д.):

Наша религия – потребление, наш храм – супермаркет (Московский комсомолец. 28.11.2011);

Путин привел религиозных лидеров во фронт (Комсомольская правда. 20.07.2011);

Религиям дали слово (Российская газета. 13.04.2011);

– *воспитательно-образовательные*, связанные со всем комплексом представлений о ценностях общества, в том числе образования, нравственных, культурно-эстетических и др. (воспитание патриотизма, законопослушания, соблюдения принятых в обществе норм, необходимость образования и его совершенствование, соблюдение здорового образа жизни и т. д.):

Так «рождается» патриотизм (Московская правда. 19.04.2011);

Реформу образования проверили в Кургане (Независимая газета. 14.02.2012);

Платное бесплатное образование (Московская правда. 16.01.2012);

– *научно-технические*, связанные с представлениями о ценностях деятельности в научно-технической сфере и ее достижениях (новые технологии, достижения в различных областях науки и т. д.):

Владимир Путин: Зарплата менеджеров госкомпаний должна зависеть от того, как они внедряют новые технологии (Комсомольская правда. 31.01.2012);

Новые технологии – новый характер вооруженной борьбы (Независимое военное обозрение. 16.04.2011);

Наука и высокие технологии как фактор выживания (Независимая газета. 08.02.2012);

– *экологические*, связанные представлениями о необходимости охраны природы и сохранения среды обитания человечества:

Дмитрий Медведев углубится в вопросы экологии (Коммерсант. 14.02.2012);

Экология ведет к банкротству (Коммерсант. 19.10.2011);

Экологию Москвы еще почистят (Коммерсант. 12.10.2011);

– *семейные*, связанные с представлениями о семье и ее роли в функционировании общества (семейное благополучие, защита ма-

теринства и детства, воспитание детей, помощь неполным семьям и т. д.):

Не по семейным обстоятельствам (Новые известия. 16.02.2012);

Убийство ребенка – дело семейное? (Московский комсомолец. 14.10.2011);

Семейные ценности (Российская газета. 28.07.2011);

– *потребительские*, связанные с представлениями общества о количестве и качестве необходимых товаров и услуг, уровне бытового комфорта и т. п. (необходимость повышения качества товаров и услуг, уровня комфорта и т. д.):

Комфорт по-московски (Российская газета. 21.12.2011);

Высокое качество страшнее дешевой нефти (Коммерсант. 02.02.2012);

Качество жизни в регионах: лучше всего по-прежнему в Москве и Санкт-Петербурге (Комсомольская правда. 20.08.2011);

– *дистрактивные*, связанные с представлениями и предпочтениями общества в сфере отдыха и досуга:

Отдыхаем по своему желанию (Российская газета. 13.02.2012);

Отдых поневоле (Российская газета. 25.01.2012);

Северный Кавказ расширяет базу отдыха (Коммерсант. 22.11.2011).

Таким образом, типология ценностных ориентиров заголовков СМИ включает такие доминантные концепты, как «политика», «экономика», «культура», «образование» и т. п., которые могут рассматриваться как мировоззренческие универсалии. Каждый концепт имеет свое ценностное наполнение, комплекс релевантных этому концепту ценностей, характеризующийся относительной стабильностью, одновременно испытывающий непрерывное воздействие со стороны общественной и индивидуальных систем ценностных представлений. Ценностные ориентиры заголовков, таким образом, репрезентируют и «озвучивают» комплекс представлений о доминантных ценностях, моделируя и транслируя целую группу ценностных ориентиров, имеющих свое языковое воплощение.

Список литературы

1. Аргументы недели. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.argumenti.ru (дата обращения: 11.02.2012).
2. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3–6.
3. Известия. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.izvestia.ru> (дата обращения: 13.02.2012).
4. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.
5. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 185–197.
6. Коммерсант. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.kommersant.ru (дата обращения: 11.02.2012).
7. Комсомольская правда. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.kp.ru (дата обращения: 13.02.2012).
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия: Литература и язык – 1993. – Т. 52.
9. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
10. Московская правда. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.mospravda.ru (дата обращения: 11.02.2012).
11. Московский комсомолец. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.mk.ru (дата обращения: 11.02.2012).
12. Независимая газета. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.ng.ru (дата обращения: 16.02.2012).
13. Независимое военное обозрение. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.nvo.ng.ru (дата обращения: 13.02.2012).
14. Новые известия. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.newizv.ru (дата обращения: 11.02.2012).
15. РБК Daily. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.rbcdaily.ru (дата обращения: 13.02.2012).
16. «Российская газета». 2012 [Электронный ресурс]. – URL: www.rg.ru (дата обращения: 11.02.2012).

17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 1999. – 18 с.

УДК 88

Н. П. Шульгина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

АКТИВИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье исследованы факторы, определяющие поиск новых технологий обучения, усиления технологичности и индивидуализации учебной деятельности иностранных студентов как средства формирования их профессионально-коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: конкурентоспособный специалист, когнитивная модель, интеллектуальная среда, профессионально-коммуникативная компетенция, иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция, технологичность и индивидуализация учебной деятельности.

Одним из важных компонентов профессионального образования иностранных студентов на неязыковых факультетах высших учебных заведений является обучение профессионально-речевому общению, в процессе которого формируется профессионально-коммуникативная компетенция – важная составляющая конкурентоспособного специалиста [9, с. 65]. Условием ее формирования, на наш взгляд, является активизация когнитивной деятельности студентов.

Все это определило возросший в высшей школе интерес к педагогическому поиску, разработке новых образовательных концепций, реализующих личностно-ориентированный, процессуально –

когнитивный, аксиологический, профессионально-коммуникативный подходы к обучению, способствующие интенсификации учебного процесса, а также рассматривающие активизацию когнитивной деятельности студентов как основу их профессиональной подготовки.

В аспекте данного исследования представляется важным и плодотворным вывод проф. Р. К. Боженковой о том, что «методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ), при сохранении всего, что уже сделано для успешной подготовки иностранных специалистов, нуждается сегодня в выработке новой позиции в отношении целей, задач, содержательной составляющей процесса обучения и технологий обучения» [1].

Таким образом, актуальность темы, обозначенной в названии статьи, основана на том, что трудности формирования профессионально-коммуникативной компетенции при подготовке иностранных специалистов в значительной мере обусловлены интенсивно изменяющейся информационной, социально-культурной и интеллектуальной средой, и как следствие - возможностью использования активизации когнитивной деятельности как одного из средств ее формирования.

Тезаурус исследования данной проблемы включает ряд актуализированных в настоящее время понятий: *конкурентоспособный специалист, когнитивная модель, интеллектуальная среда, профессионально-коммуникативная компетенция, иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция, технологичность и индивидуализация учебной деятельности.*

Уточняя категориально-понятийный аппарат проблемы, прежде всего обратимся непосредственно к понятию «профессионально-коммуникативная компетенция».

Профессионально-коммуникативная компетенция, как одна из определяющих качество образования в ряду других компетенций специалистов неязыковых направлений подготовки, представляет собой общую способность, основанную на знаниях, опыте, ценностях, которые приобретены в процессе обучения и жизни, и рассматривается как возможность установления связи между знанием и профессиональной ситуацией, то есть как способность найти

процедуру (использование знаний в действии) для решения конкретной задачи [2].

Вслед за И. И. Климовой мы считаем возможным определить дефиницию профессионально-коммуникативной компетенции совокупностью следующих компонентов:

- *иноязычная профессиональная лингвистическая компетенция*, предполагающая необходимость овладения лексическими, грамматическими и речевыми языковыми средствами продуктивного и рецептивного усвоения, позволяющими реализовать эффективное профессиональное общение на иностранном языке;

- *иноязычная профессиональная дискурсивная компетенция*, которая трактуется как умение использовать и истолковать формы и значения слов для создания иноязычных текстов устного и письменного дискурса в научной и профессиональной сферах общения в соответствии с принятыми образцами и нормами; владение навыками организации языкового материала в связный текст с такими категориями, как экспликатура и импликатура, что имеет внешнее проявление в виде высказывания и того, что подразумевается говорящим и скрыто внутри процесса общения;

- *иноязычная профессиональная социолингвистическая компетенция*, понимаемая как владение общепринятыми способами осуществления коммуникативных намерений в соответствующих ситуациях общения, как умение пользоваться адекватными языковыми средствами в ходе профессионального общения. Данная компетенция соответствует пресуппозиции, которая трактуется как особое логическое следствие, выводимое из данного высказывания, исходя из анализа семантической структуры и контекстуальной уместности;

- *иноязычная профессиональная социокультурная компетенция*, определяемая как умение осуществлять профессиональное общение с учетом знания национально-культурных особенностей социального и речевого поведения инокультурного партнера в конкретных ситуациях, может быть связана с референцией, когда коммуникант направляет свое воздействие на партнера общения, употребляя необходимые языковые выражения;

- *иноязычная профессиональная социальная компетенция*, трактуемая как умение вырабатывать стратегии решения задач в процессе профессионального общения, распределять ситуативные роли и координировать действия, контролировать их выполнение, оценивать и подытоживать сказанное в условиях иноязычного профессионального общения, что соответствует категории инференции, детерминирующей логическое обдумывание намерения коммуниканта;

- *иноязычная стратегическая компетенция*, которая помогает вести общение, используя эффективные коммуникативные стратегии, компенсировать экстралингвистическими средствами недостаток лингвистических средств, а также, используя определенные стратегии, самостоятельно познавать иностранный язык и инокультуру, что соответствует пропозиции как категории дискурса, подразумевающей истинность или ложность высказывания [3].

Понятие *иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция* было выведено с учетом определения понятия «компетенция» [4, 5, 6], известных трактовок ее структуры [7, 8, 10], а также особенностей профиля будущих специалистов.

Обобщая сказанное, отметим особо, что иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция представляет собой синергетическую общность научно-теоретических знаний, практических умений и навыков, рефлексии и мотивации, обеспечивающих результативность иноязычного профессионального общения.

Критериями развития профессионально-коммуникативной компетенции называют: а) профессиональную идентификацию; б) сформированность коммуникативных умений как трансфера профессиональной, социальной и межкультурной компетенций; в) готовность к эффективному иноязычному профессиональному общению.

Все это становится фактором, определяющим поиск новых технологий обучения, усиление технологичности и индивидуализации учебной деятельности студентов.

Процесс формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов в качестве когнитивного компонента включает в себя:

- сбор и анализ информации по проблемам, связанным с будущей профессиональной деятельностью;
- составление глоссария профессиональных терминов;
- усвоение необходимых средств выражения вербальной и невербальной коммуникации;
- развитие профессиональных умений и навыков ведения переговоров, принятия решений в ситуациях профессионального общения;
- развитие творческого потенциала, аналитического, критического мышления, самостоятельности в приобретении знаний.

В рамках презентованной нами структурно-функциональной модели интеллектуальной среды были сформулированы основные черты занятия по РКИ в аспекте активизации когнитивной деятельности в целях формирования профессионально-коммуникативной компетенции:

- гибкая организация учебной деятельности обучающихся в зависимости от целей занятия (его этапов);
- стимулирование обучающихся к выбору различных способов выполнения заданий;
- использование разнообразного дидактического материала, позволяющего обучающимся проявлять личностную избирательность к типу, виду и форме учебного задания, характеру его выполнения;
- активизация субъектного опыта инофонов, его использование в процессе занятия;
- анализ ответов обучающихся не только с позиции правильности, но и с учетом того, как учащийся рассуждал, каким способом выполнял задание, где и почему ошибся, высказал ли оригинальные соображения;
- преобладающей формой общения с аудиторией становится диалог;
- активное использование интерактивных технологий обучения [11, 12, 13,14].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что активизация когнитивной деятельности иностранных студентов в процессе обучения русскому языку является залогом успешного формирования у них

профессионально-коммуникативной компетенции. В этой связи ведущим аспектом методики преподавания РКИ становится использование инновационных технологий в процессе обучения [13,14].

Такая потребность обусловлена:

- развитием информационных технологий в системе образования;
- наличием новых требований к качеству и формам обучения русскому языку как иностранному;
- потребностью в формировании новой интеллектуально-образовательной среды при обучении иностранных студентов русскому языку.

Список литературы

1. Боженкова Р. К. Речевая компетенция рекламного менеджера как важнейший аспект профессионально ориентированного обучения в курсе РКИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2015. – № 4. – С. 65–69.

2. Зникина Л. С. Профессионально-коммуникативная компетенция как фактор повышения качества образования менеджеров: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – Кемерово, 2005. – 406 с.

3. Климова И. И. Особенности формирования и оценки иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов экономического профиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51). – Ч. II. – С. 99–102.

4. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. С. 34–44.

5. Татур Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 20–26.

6. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

7. Бобиенко О. М. Ключевые компетенции личности как образовательный результат системы профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2005. – 23 с.

8. Новиков А. М. Профессиональное образование: актуальные проблемы развития // Профессиональное образование специалиста. – М., 2002. – С. 33–37.

9. Романова Н. Н., Амелина И. О. Особенности формирования профессионально-коммуникативной компетенции при обучении русскому языку иностранных студентов-экономистов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2014. – №1. – С. 63 – 69.

10. Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учебник / под ред. В. А. Слостенина. – М.: Академия, 2004. – 576 с.

11. Шульгина Н. П., Бугаенко Н. П., Психолого-педагогические условия реализации когнитивной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2015. – №2 (15). – С. 112–118.

12. Шульгина Н. П., Бугаенко Н. П. К вопросу создания когнитивной модели обучения русскому языку как иностранному // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2015. – №3. – С. 68–74.

13. Шульгина Н. П., Комарова И. А. Совершенствование системы и инновационные подходы к преподаванию лексики при обучении русскому языку как иностранному // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2016. – № 1. – С. 78–89.

14. Шульгина Н. П., Ткачева Н. В. Когнитивная модель обучения русскому языку как иностранному с применением персонального компьютера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2016. – № 2. – С. 181–191.

Научное издание

**ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ:
РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

Материалы V Международной научной конференции
17-20 мая 2016 года

Редактор *М. Г. Анохина*
Компьютерная верстка и макет *А. Е. Серебряковой*

Подписано в печать 30.05.16. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд.л. 5,8. Тираж 100 экз. Заказ 95.
Юго-Западный государственный университет.
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Отпечатано в ЮЗГУ.

